

ВОЙНЫ
ВУДУЩЕГО

Федор БЕРЕЗИН

ВОЙНА 2030 ПОЖАР МЕТРОПОЛИИ

Федор Дмитриевич Березин

Пожар Метрополии

Серия «Война 2030», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126014
Война 2030. Пожар метрополии: Якуза, ? Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-10223-X

Аннотация

Тридцатый год нового тысячелетия, битва в самом разгаре. Суперармаде США нанесен сокрушительный удар. Непотопляемая авианосная линейка разрушена. Не так просто оказалось искромсать мир, когда тебе противостоят бойцы, закованные в кевларовую броню, и хакеры из далекой России. Но они люди, и они могут попасть в плен. Дальше обычный набор: пытки, допросы с сывороткой правды, обещание золотых гор и сладкой жизни в сытой Америке, надо всего лишь предать эту далекую Рашу. И надо же такому случиться: в зажравшейся стране под названием США начинается бунт, и негр идет против белого, латинос тоже идет против белого, а белый идет против обоих. В общем, Америка катится в тартарары, а русский солдат снова сражается...

Содержание

Пролог	5
1	41
2	45
3	50
4	55
5	63
6	66
7	69
8	72
9	75
10	78
11	81
12	84
13	88
14	92
15	93
16	96
17	98
18	102
19	105
20	110
21	114
22	121

23	123
24	128
25	133
26	137
27	140
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Федор Березин

Война 2030. Пожар метрополии

Они на нас полезли. Мы их не трогали, ведь так? И теперь мы пришли свести некоторые личные счета. Демичев пел о бананово-лимонном Сингапуре, но даже ежу понятно, что это и была благородная ярость человека, ведущего священную войну с металлическими «тиграми», которые, в сущности, всегда оказываются в дураках, когда сталкиваются с человеком, хотя поначалу всегда кажется иначе.

Михаил Анчаров «Золотой дождь»

Пролог

Он умирал. Аллегорически он напоминал огромного кита, выброшенного на берег от сбоя биологических приборов локации или же неправильной интерпретации гидроакустического отражения подводного мира. Кит еще жив, но помещен в иную вселенную – ужасный мир, из которого его предки бежали так давно, что ноги успели обратиться ластами. Кит жив, однако знает – ему никак не успеть произвести обратное преобразование – кожный покров пересохнет

раньше, а большой шестикилограммовый мозг в голове стечет сгустком расплавленного жира. Кит жаждет орать от боли, но умирает молча: в новой среде обитания он не способен породить сверхмощный акустический луч, могущий за просто лишить разума целую стаю макрели.

Он умирал, но не являлся китом, хотя был не меньше – наоборот, много больше и тяжелей. Да и вообще, с фактографической точки зрения, он не обязан был даже уметь умирать. Он являлся механизмом, или скорее симбиозом множества механизмов. Очень сложным, очень многофункциональным, но все-таки примитивным по строению даже в сравнении с бактерией. Но все же он умирал, ибо, как и кит, оказался внезапно выброшен в непривычную, парализующую двигательную систему обстановку. Умеющий проникать моря и пересекать океаны, он был обездвижен и покоился посреди суши, правда, не на тысячи, а всего на пятьдесят метров выше уровня моря.

Остатки некогда оберегавшей его воды до сих пор стекали по его телу, а огромная лужа под ним не собиралась запросто сдаваться тропическому солнцу. Но что с того? Он попал в западню, ибо доверился еще более огромному, но совсем уж примитивному механизму, осуществляющему функцию, сходную с переливанием крови. Однако этот чудовищный – двухсотметровой толщины – капилляр перекачивал не кровь. Он осуществлял функцию соответствующей масштабности. Являлся связующей нитью двух распластан-

ных по планете и разделенных материковым телом океанов. Качал их кровь — соленую морскую воду с одного в другой и обратно. Разумеется, наивные маленькие существа, входящие в симбиозную связь с агрегатом капилляра, не считали это главным. Они регулировали некий товарооборот: перекачка соленой воды оказывалась дополнительной, паразитной работой. Но это, конечно, по их букашечному мнению.

Однако сейчас чудовищный капилляр, протянутый в прореху горных цепей, оборвался. Чей-то великанский скальпель чиркнул по его телу, и вода ушла. Теперь там и тут вблизи места надреза не шевелясь умирали железные носители товарооборота. Тот, о котором говорилось вначале, был самым большим. Правда, он никогда не участвовал в перевозке товаров, однако и сказать, что он совершенно не имел отношения к процессу, тоже нельзя. Все в этом мире так серьезно и тщательно переплеталось.

* * *

А рассечение океанского капилляра произвел микроб, или уж, по крайней мере, муравей. Это исходя из соотношения его размеров с масштабами действия, кое свершилось. Микроб не являлся хирургом. И строителем-гигантоманом он тоже не являлся. Он имел незаконченное высшее образование менеджера, однако то ли в силу частных обстоятельств, то ли в связи с проявлением общепланетарных ка-

таклизов в сообществе существ доминирующего на Земле вида что-то там пошло не так. В общем, с образованием у него не получилось. И как следствие, с нормальным трудоустройством тоже. Правда, в тех местах, где его взрастили, это давно уже было не проблемой – просто повальным бедствием. Так бы он и мотылялся общественными стихиями куда ветер подует, до безуспешного вхождения в зрелость, но однажды, через каких-то неясных знакомых, ему привалило счастье вступить в ГОМ – «Группу освобождения мира». Кто знает, было ли все это случайностью или его завербовали по предварительному сговору, учитывая европейскую внешность не ведающего своего счастья кандидата? Вообще-то уже к 2020-му пластиковая хирургия значительно подешевела, но все едино, для третьих стран цены оставались запредельными; да и вообще, почему б ГОМ не поэкономить, если имеются варианты? Тем более кто такие рядовые «братья-освободители»? Если от природы либо из соотнесения расположения звезд невезуч – расходный материал. Ибо чем вообще-то заняты «братья-освободители» ГОМ? Чем, по сути дела, получается освобождать мир в период глобально-повсеместного владычества империализма? Естественно... Только террором.

До момента рассечения океанского капилляра Фошка Джюрдже, по происхождению серб и в общем-то настоящий европеец, участвовал в нескольких террористических акциях. И уже дважды он делал это в качестве главного исполните-

ля — то есть носителя бомбы. Нет, он не был смертником и не собирался им становиться. Благодаря заранее проведенной подготовке и внезапно открывшимся способностям, он изначально относился к более высокой категории подрывников. Тех, кто делает свои трюки, не входя в зону поражения смертельно опасных «игрушек». Кстати, за три десятилетия двадцать первого века, благодаря всемерному напряжению в развитии подрывного дела, зона поражения самодельных, точнее ремесленно изготовленных, бомб достаточно сильно возросла. Теперь от умельцев-подрывников требовалось еще более серьезное отношение к правилам техники безопасности. И Фошка Джордже, естественно, выполнял их все, по крайней мере, в пределах возможного при столь опасной работе.

Кроме того, не менее чем гордость от пережитого риска, он возлюбил получать за свою работу достойное вознаграждение. Четкая антиимпериалистическая направленность ума помогала ему без зубовного скрежета переживать послерейдовые сводки новостей. Естественно, он прекрасно ведал, что сообщаемые там потери среди гражданского и прочего населения солидно, в крайнем случае по мере возможности, замалчиваются властями. Вот, например, предыдущий раз. В славном городе Варшаве, благостно позабывшем немецкие бомбардировки восьмидесятилетней давности, а уж тем паче русского воина-освободителя, внезапно рухнули от взрыва четыре пятиэтажных строения. Трое погибших, несколь-

ко раненых. Учитывая количество квартир... Но, наверное, случаются на свете чудеса. Тем более эти сообщения есть акция информационной войны. Эти войны – информационная и реальная, с настоящим трупным запахом, – так сильно переплелись. Уже не ясно, что есть продолжение одной и исходная причина следующей.

Вообще-то, может, благодаря отсутствию достаточного образования Фошка Джордже оказывался излишне самоуверен. А ведь его должна была насторожить обещанная последствием выполнения акции сумма. Выраженная арабскими цифрами, она имела в конечной части добавочный нуль, сравнительно с обыденными расценками, разумеется.

* * *

Застрявший в горах морской кит-левиафан представлял собой брата-близнеца покалеченного намеренно ударного авианосца «Том Клэнси». Но ведь тот все-таки подвергся атаке в окрестностях Африки, в родимой стихии Атлантики, и это было не так обидно. Умирать здесь, в обезвоженной среде, гораздо выше уровня моря – что могло быть более позорно для морского хищника, в нормальных условиях доминирующего над сушей и воздухом?

Как и «Клэнси», этот корабль назвали в честь писателя, и, кстати, гораздо более знаменитого и древнего. И так же, как «Клэнси», «Фенимор Купер» относился к новейшему клас-

су авианосцев. Глупость, теперь уже явная пустопорожность предварительного расчета, загнали его в горы. Это ж надо было додуматься тащить самый мощный из оставшихся на сегодня подвижных форпостов Соединенных Штатов из океана в океан самым коротким путем – через Панаму. Ведь можно было, вполне можно, и даже из сегодняшнего прозрения необходимо, перебраться в Мексиканский залив привычным способом, с огибанием Южной Америки или даже с обходом Огненной Земли. Однако обстоятельства, чертovsky геополитические обстоятельства... Те самые, для разрешения которых и создавался «Фенимор»...

Они заставляли торопиться, брали за горло. Дело уже было вовсе не в затратах топлива из-за удлинения маршрута, тем более что в событиях участвовал атомный котел с гарантированной заправкой в полтора миллиона миль. Первостепенную роль заграбастало время. Любую, тем более не планируемую и раздутую не тобой неурядицу легче всего задавить в зародыше. Пара-тройка эскадрилий морской авиации, в нужный момент прошедшая над не в меру разгоряченными головами, может разрешить щекотливую и неясную ситуацию с достаточной уверенностью. Многосуточное отклонение к проливу Дрейка вполне способно привести к тому, что простой слитности гиперзвукового удара по перепонкам, в момент пересечения эскадрилей скоростного барьера, станет уже недостаточно. Что тогда окажется в самый раз? Прицельная привязка бомб к лазерному лучу или четкая выве-

ренность ковровой бомбардировки центральных улиц подвернувшегося под руку мегаполиса? И то и другое очень нежелательно, а в пределах метрополии даже вовсе недопустимо.

Помимо всего, играли роль затраченные десятилетие назад сто пятнадцать миллиардов долларов. В преддверии грядущего топливного кризиса – точнее, нефтегазового коллапса – Панамский канал углубили и, помимо того, произвели модернизацию-перестройку основных шлюзов. Затраченные доллары требовалось время от времени оправдывать. Почему не попробовать протащить меж гор новейший авианосец? Доработка океанского капилляра вполне позволяла проदेять в шлюзовые створки даже статыечетонных монстров. И как на этом фоне было не возродиться верованию в предначертанность судьбы? Ведь оказывается, чьи-то отстоящие во времени решения теперь определяли последовательность действий сегодняшнего дня.

Ныне «Фенимор Купер» вместо помощи в стабилизации обстановки в метрополии добавил головной боли вкопанным в Кордильеры стратегическим командным пунктам. Им следовало напрячься, думая не просто о том, как перенести его в Атлантику, а вообще выручать из щекотливой ситуации.

* * *

А самоуверенность Фошки Джордже служила ему хоро-

шую службу и ранее. Это ведь не лишнее качество для саперов, хотя обычно все подозревают главным достоинством людей такой профессии осторожность. Но ведь само собой разумеется, что чрезмерно осторожный вообще никогда не возьмется осваивать такую профессию, не вяжется такое дело со статичной направленностью вялого жизненного вектора. Так вот в этот раз самоуверенность серба оказалась чрезмерной. Дело не только в добавочном нуле в обещанной оплате. Его обязана была насторожить сама странность мины. Может, все же сказывался недостаток общего образования? Однако старшие «братья-освободители» столь искусно навешали ему лапши на уши (наверняка за приличное добавочное вознаграждение), что Фошка Джюрдже вполне поверил в исходную безопасность транспортируемой им штуковины.

Она была очень массивна, чрезмерно массивна для столь маленького объема. Фошка Джюрдже был согласен с мнением «экспертов» о том, что новая мина имеет радиус действия двести метров. Про себя он сравнивал, что она все же таки не может быть сильнее той «красавицы», что его группа подорвала в Варшаве: все-таки ту пришлось транспортировать электромобилем. Насчет радиуса поражения он, разумеется, ошибался. Так же, впрочем, как и на счет встроенного детонатора. Однако ему было не суждено узнать об ошибочности своих суждений. Между прочим, так же как и тем, кто непосредственно задействовал систему запуска «адской ма-

шинки».

Их было несколько. Каждый работал независимо и, кстати, в свою очередь имел дублеров. В сумме их значилось восемь человек. Впоследствии из всей группы остался жив только один, да и тот благодаря случайности. Он наткнулся на чрезмерно рьяно относящийся к делу военный патруль на достаточно приличной дистанции от места предполагаемой акции. Всю последующую жизнь этот везунчик мучился сомнениями, имел ли он хоть какое-то отношение к произошедшему после его задержания светопреставлению.

* * *

Как известно, только один раз в истории и только одна страна в мире сумела надежно перекрыть свою сухопутную границу от иноземного проникновения. Так же все грамотные ведают, что как только она перестала это делать, она тут же и рухнула. Называлась эта давно и надежно оклеветанная и без почестей похороненная страна – Советский Союз. Ну да не о ней сейчас речь. Главное, что ни до, ни после такое не удавалось никому. Так вот, в две тысячи тридцатом самый мощный рубеж проникновения в имперскую метрополию по суше пролегал, как и ранее, по границе с Мексикой. Кроме того, ввиду его ненадежности и длинноты пятнадцатью годками ранее, по законной договоренности с этой же самой Мексикой, на ее южной границе организовался еще один

рубеж. Теоретически он оградил всю Северную Америку от проникновения в нее южан, ибо сонмища новых и старых микростран смотрели на богатого северного соседа с еще большим вожделением, чем ранее. Ведь там, на когда-то заселенной европейцами южноамериканской земле, теперь воцарилась вакханалия: крупные страны развалились, а мелкие передрались между собой. Поскольку время от времени какие-то миротворческие контингенты делали неосторожные попытки ставить между враждующими коалициями вооруженные заслоны, экспансия во внешнее пространство удавалась не всегда. Однако голод, нищета и зависть – лучшая закваска для закипания ненависти. Последней же надо куда-то выплескиваться. Если вовне не пускают, то... В общем, одеяло Южной Америки покрылось оспинами войн гражданских. Теперь миротворческих сил просто не хватало на все очаги, тем более что самая демократическая метрополия мира не очень-то пускала в свою часть света представителей европейских вооруженных сил, а уж тем паче азиатов.

В этих условиях зона океанского капилляра могла рассматриваться как еще один рубеж – передовая позиция затаившейся пятнадцатую градусами севернее метрополии. Сам модернизированный Панамский канал уже в силу наличия воды представлял естественное препятствие, так что в некоторой мере мог считаться не вполне сухопутной границей. Кроме того, длина его всего-то восемь десятков километров, так что повторять подвиг Союза ССР не требовалось. Одна-

ко...

Там, выше по глобусу, громоздилось небольшое ожерелье опять же не слишком процветающих и тоже достаточно сильно раздираемых противоречиями стран. Но ведь маловероятно, что выходцы из сих успешных рассадников нищеты и злости сильно жаждут попадать в расстеленную южнее клоаку, правильно? Следовательно, наипередовейший погранично-таможенный рубеж может не перенапрягаться, работая в обе стороны, а использовать принцип триггера, то есть ставить блокировки только потоку, направленному на север. Извините, в данном случае, в силу необычайной искривленности Панамского перешейка, даже наоборот, с севера на юг. Но ведь это локальная неувязка географического свойства, общей подачи картины она совершенно не меняет.

Естественно, существует не слишком относящееся к делу обстоятельство. Оно в том, что только уж окончательно сумасшедший или страдающий крайней степенью водобоязни, с морской болезнью в придачу, может надеяться добратся до благодатных аризон, нью-мексик и канзасов, используя только пешеходные тропы. Слишком много, пусть и плохо прикрытых, границ на пути его подошв. А значит, пограничники с шевронами самостоятельной страны Панама, но получающие заработную плату в новых североамериканских долларах, могут иногда перекуривать, снимая всегда готовые пальцы с пусковой скобы.

Тем не менее вопрос для «братьев-освободителей» стоял

не в преодолении передового рубежа империализма, а в перекрытии океанского капилляра. Посему, само собой, подразумевался «подход» с севера, то есть в данном случае с юга. Нужная для плана вещица, та самая, которую нес в «рюкзачке» Фошка Джурдже, поначалу переплыла Тихий океан и спокойно разгрузилась в коста-риканском порту Пунтаренас. Оттуда она следовала по отдельности, разобранный на части, и вовсе не на рискующих нарваться на дорожную инспекцию автомобилях, а на придавленных жизнью плечах профессиональных носильщиков-партизан из НФОЦА – Никарагуанского фронта освобождения Центральной Америки. Так что до того как взрывное устройство оседлало спину серба, оно уже достаточно привыкло к такому виду перемещения, оно ведь добросовестно пропутешествовало по джунглям, саваннам и горам. Правда, здесь, под прикрытием лопаток Фошка Джурдже, оно оказалось собранным в купу. Ну что ж, наверное пришло время приступить к осуществлению своего предназначения и этому механизму.

* * *

Исходя из общей длины – восемьдесят км в целом – шестьдесят пять по суше, – выйти к берегу канала не представлялось сложным. Ведь не расставлена же охрана через каждый метр. Однако что толку было появиться, например, на аккуратном бережку озера Гатун? Довольно большая со-

ставляющая ландшафта; в некоторых местах противоположный берег не наблюдается из-за удаленности. А ведь по этому озеру проходит добрая половина всего океанского капилляра. К тому же весьма удобно – самое высокое место рельефа. Если бы здесь что-нибудь большое взорвать! Ну допустим, индонезийский вулкан Кракатау. Извергнувшаяся сверху вода наверняка бы смыла все находящиеся ниже по склонам шлюзы. Однако «братья-освободители» не располагали такими возможностями. У них в наличии имелся относительно скромный заряд, а, по убеждению двуногого носителя данного заряда – Фошки Джурдже, – так вообще слабый для серьезной акции. Бережок озера Гатун не подходил. Естественно, сбрасывался со счета и искусственно углубленный залив. И какие же места вообще оказывались подходящими для исполнения акции?

По мнению того же «носителя», сербского происхождения, вообще никакие. Однако ему внушили, что данная акция носит чисто демонстрационный характер, и поэтому убьет он хоть кого-нибудь или нет – особого значения не имеет. Он имел четкую задачу подобраться к Панамскому каналу в одном из умело подобранных мест: приоритетность наличествовала, как и в давней истории с самолетом «Энола Гей». Видимо, каким-то образом эта самая приоритетность целей соотносилась с чисто демонстрационной акцией. Наверное, не Фошки Джурдже ума искать соответствие одного и другого. Его задача была донести и взорвать. Насчет

первого – «донести» – он был прав, но вот насчет второго – «взорвать» – очень и очень ошибался. Оказывается, все переключатели, назначение коих ему объясняли с полными серьезности лицами, являлись чистой мишурой. Отвлекающим маневром, рассчитанным на его не доведенное до ума высшее образование, да ко всему тому еще и не техническое.

Он обязался бодренько и молодецкато подойти к парапету канала, причем по возможности ближе к одному из помеченных шлюзов. Это было сложно в оживленном месте, где-нибудь рядом со все еще шатко-валко функционирующей панамериканской автострадой. Там легче затеряться в толпе, но там же и местные полицейские силы, а также патрули морских пехотинцев США проявляли повышенную бдительность. Кого-нибудь, даже не особо рьяного, а просто любопытного, мог бы сильно заинтересовать его увесистый рюкзак. Если бы этот кто-то знал, насколько он действительно увесист! Фошку Джурдже явно подобрали для акции не только за европейскую внешность, но еще за порядочную выносливость и изрядную силу. Уже после километра ношения рюкзака он чувствовал, что ноги превратились в плохо слушающиеся ходули, а трапециевидные и дельтовидные мышцы плеч вот-вот расплзутся на волокна. При этом для возможных наблюдателей он должен был продолжать имитировать весельчака-туриста, любующегося чудной природой и окрестностями. В принципе, полицейских не мог насторожить катящийся с него пот. В Северном полушарии стояло

лето, ну а здесь, на девятой широте, оно происходило всегда.

Естественно, и слишком безлюдная местность тоже не подходила. Военным патрулям скучно мигрировать с собаками в совершенном сенсорном голоде, они ищут впечатлений, и одинокий путник с большим увесистым рюкзаком представляет для них определенную ценность.

Кроме того, поскольку вокруг тропики и неленивые могут собрать до трех урожаев чего-нибудь съедобного за год, то окружающие земли особо не пустуют. И если в приближении к автострадам они заполняются лавками и рыночными лотками, то дальше, в захолустьях, цветастые огородные клочки подбираются чуть ли не вплотную к океанскому капилляру. Благо, в связи с использованием помещенного в высоту озера Гатун в качестве водохранилища вода для посевов недорога. Так вот, если идти напрямки через чужие посевы, местные крестьяне поднимут такой гвалт, что полицейской обласы просто-напросто не миновать. И значит, диапазон пригодных для акции точек очень и очень сильно сужается.

Ну а помимо пространственных, существовали еще и временные критерии. Ведь акцию требовалось приурочить к прохождению по каналу авианосца «Фенимор Купер». На счастье «братьев-освободителей», корабль перемещался днем – он жаждал обезопасить себя от столкновения со шлюзовыми воротами. Ночью подобраться к каналу стало бы вообще проблематично. Праздно шатающихся гораздо меньше, а морским пехотинцам, в напаянных компьютеризиро-

ванных шлемах, окружающее пространство видится как на ладони.

Задача Фошки Джордже была оставить свой рюкзак как можно ближе к шлюзу, удалиться на двести метров и замкнуть вделанные в позолоченную цепочку контакты. Но когда он сумел подойти к каналу вплотную, то понял, что главная проблема будет в том, чтобы шатающиеся поблизости нищие не успели вскрыть его рюкзак, покуда он будет отходить на необходимую дистанцию. Ничего, на этот случай у него имелась целая пачка «новых» американских долларов мелкими купюрами. После освобождения плеч он собирался сыпануть их гроздью по всей округе. Это наверняка бы перенаправило природное качество любого нищего – любопытство – от рюкзака, но зато привлекло бы внимание полицейских. Но что оставалось делать? Кроме того, такая выходка наверняка бы сделала жертвами акции не только изначально мертвую бетонную стену океанского капилляра.

Откуда Фошка Джордже мог догадаться, что его цепочный детонатор является подделкой, а истинный контакт замкнут незнакомые ему люди в произвольно выбранный ими момент?

* * *

Об этом не распространялись, но методика подрыва зарядов на расстоянии была для «братьев-освободителей» отра-

ботанной тактикой. Те, кто в курсе дела, держали язык за зубами благодаря особой новодолларовой приплате, а еще потому, что оглашение деталей с неизбежностью повлияло бы на их дальнейшие прибыли. Мучили ли их какие-то позывы совести при исполнении акции? Или к две тысячи тридцатому такой рудимент, как совесть, окончательно стерся? Естественно, он сильно затупился у львиной доли обработанных СМИ разумных млекопитающих, но поскольку в своем изначальном естестве совесть есть усложненный вид соперничества, то покада *Homo sapiens* сохраняет свою биологическую природу, избавиться от нее бесповоротно не выходит. Однако тренировка нервных узлов и привычка мозга идти обходными путями делают свое дело. Остается только некоторая досада. Ведь вместе с врагами и статистами завсегда исчезает из поля зрения и свой «брат-освободитель», пусть и не самого высокого звания.

По мнению исполнителей, сегодняшнее дело отличалось некоторой сложностью в плане повременной отчетности вышестоящим инстанциям, и более вроде бы ничем. Однако они ошибались все вместе и каждый в отдельности. Несмотря на то, что «носитель» был представлен в единственном числе, контролирующих звеньев имелась целая кавалькада. Несколько независимых наблюдателей присматривали за Фошкой Джордже. У кое-кого из них имелись средства инициации помещенного на спине серба заряда. Однако никто из них в одиночку не сумел бы замкнуть цепь. Более того, до

определенного срока они бы не сделали это и все разом.

Оказывается, тяжелый рюкзак требовалось не только аккуратно поставить у парапета одного из панамских шлюзов, а еще и произвести это в определенный момент. Сей момент определялся даже не в вышестоящих штабах ГОМ, гораздо выше. Кстати, не только в переносном, но и в прямом смысле. Там, в уходящей вверх лазури неба, все было не так просто, как кажется. Периодически, еще выше этой лазури, за слоями голубизны, синевы и даже фиолетового сумрака, черную пустоту прокалывали большие глазастые машины, и большинство из них пялили свои линзовые затворы не в бесконечную даль галактики, а сюда, в грешную сушу и замутненную экологией морскую гладь. Ни один из спутников, естественно, не принадлежал Группе Освобождения Мира, однако понятное дело, что в столь серьезной операции участвовали не только они. Из логики современности вообще следовало, что почти все проносящееся поверху принадлежит размещенной в Северной Америке метрополии. Однако что с того, разве их объективы видят хуже? А уж информация относится к странному типу имущества. Если даже кто-то толику и отщипнет – от нее не убудет.

Естественно, полагаться только на вечно падающее по орбите железо было бы неразумно. Почти все навязанные космосу функции дублировались здесь, под давлением атмосферы. Например, в ближней акватории, около города Сан-Мигелито, дожидался своей очереди на проход небольшой

сухогруз под индонезийским флагом. Помощник капитана, с украинской фамилией Тимошенко, никогда слыхом не слышал о ГОМ, однако среди прочих служебных обязанностей он, уже не первый год, выполнял дополнительное задание по наблюдению за американскими военными кораблями. Так что когда в морской миле от него четыре мощных буксира величаво протянули по волнам «Фенимора Купера», помощник украинского происхождения набрал сотовый номер и пожаловался приятелю на новую непредвиденную задержку. Он жаловался не зря. Авианосец сверхдержавы действительно нарушал график, ибо втискивался вне очереди. Это крало у судов, занятых мировым грузооборотом, как минимум пять часов. Ну что же, кто расширяет океанские капилляры, тот и заказывает музыку.

На другом конце линии все поняли, тем более что имели многозвенный дубляж информации, в том числе и по средствам тех же подвешенных к небу спутников. У одного из «туристов», никак не могущего запустить двигателя электромобиля, зазвонил подвешенный на цепочке телефон.

– К нам в гости пришел твой брат, – доложили оттуда женским голосом. – Он передает тебе привет.

– Я думаю, он недолго засидится, – пошутил «турист», подмигивая напарнику, от безделья любующемуся окрестностями.

Через минуту их электромобиль внезапно заработал. «Турист» взялся за руль и приветливо помахал рукой полицей-

скому, за полчаса до этого проверившему у приезжих документы.

* * *

К две тысячи тридцатому году научно-технический прогресс уже начал пробуксовывать, но все-таки еще не совсем затормозил. Там, на передовых редутах науки, продвинутые ученые чувствовали стопорение и достойно окапывались, желая сохранить хотя бы достигнутые позиции. Накапывающие сзади прикладные области продолжали спокойное наступление, однако моментами даже в них чувствовались сбои. На этом фоне совершенствование орудий борьбы с терроризмом продолжалось беспрепятственно, однако обрести глобальную победу не получалось. Видите ли, по другую сторону барьера тоже не спали. А техническому прогрессу все едино. Он одинаково добротнo работает как на силы стабилизации, так и на их расшатывание. Ну а в подрывном деле он вообще шагнул порядочно. По крайней мере, гораздо дальше, чем думал потеющий под надоевшей ношей Фошка Джюрдже.

Серб уже умудрился подойти к каналу вплотную и теперь обдумывал ту самую ситуацию с сохранением рюкзака от скучающих поблизости панамцев. О сохранности самого местного населения он как-то не слишком волновался, разве что чисто в теоретическом плане. «Валили бы вы отсюда, ре-

бятки, — думал он, нащупывая в кармане мелкие доллары. — Знали бы вы, как сейчас рванет».

Неопрятно выглядевшие люди неопределенного возраста не обладали даже зачатками телепатии, так же точно как и шестым чувством. Они абсолютно не догадывались о двухсотметровом радиусе поражения, в который наивно верил Фошка Джюрдже. Некоторые из них были действительно нищими, но и они были столь ленивы, что до сих пор прикидывали, стоит ли приближаться к незнакомцу с целью выпрашивания хотя бы одного «нового» доллара. Когда Фошка Джюрдже полез в карман, некоторые из них напряглись, вспомнив о куреве. Один даже привстал, собираясь все-таки «атаковать» гринго.

В этот момент медленно ползущий в семистах метрах в стороне электромобиль «Тойота» затормозил. Вообще-то здесь, вблизи канала, это было не положено. Однако в первый момент находящийся поблизости полицейский не среагировал. Может быть, из-за того, что его, как и остальных, в очередной раз отвлекла новая составляющая пейзажа. Совсем недалеко, приблизительно над серединой шлюза «Мигафлорес», в небо беззвучно взмыло что-то летающее. Это «что-то» являлось боевым многофункциональным вертолетом СН-73 «Динозавр». Это была уже вторая машина, взлетевшая за последние пять минут. Как и уплывший вдаль напарник, новый вертолет поднялся с покоящегося посреди «Мигафлорес» «Фенимора Купера». Сам ударный авиа-

носец мирно дожидался, покуда хитро устроенная система перекачки воды медленно, улиточным ходом, поднимет его вверх, позволив двинуться далее, ближе к широте искусственно углубленного озера Гатун.

С того ракурса, где находился электромобиль и дорожные полицейские, огромный корабль выдавал себя лишь выступающей надстройкой. Ну а с ракурса Фошки Джордже уверенно наблюдались только неторопливо вырастающие антенные мачты, а также несколько подвижных плоских поверхностей непонятного назначения. Это были антенные решетки радиолокаторов обзора неба, а также опознавания целей. В данный момент почти ни одна из станций слежения не работала, ибо из века покоящиеся поблизости горы затеняли горизонт – это было так не похоже на море. Именно для возвращения «Фенимору Куперу» «зрения» и осуществлялся взлет «Динозавров». К тому же, учитывая политическую нестабильность последнего времени, почему бы лишний раз не продемонстрировать панамцам имперскую мощь мирового гегемона?

Стоящий поблизости от парапета и все еще не снявший рюкзак Фошка Джордже тоже видел взлет вертолета. Он снова подумал, не стоит ли самостоятельно пройти дальше и оставить рюкзак как можно ближе к американскому левиафану? Такое не предусматривалось приказом; кроме того, вряд ли удастся запросто, без вмешательства полиции подойти к краю канала там. Хотя было бы здорово. Ведь вполне

возможно, при взрыве хоть какой-то из осколков на излете продырявит кого-то из янки. А может, вообще удастся вызвать пожар. Это уже были мечты. Для них не имелось места сейчас, когда проклятый рюкзак резал дельтовидные мышцы и плечи живьем. Да, подойти к «Фенимору Куперу» ближе стало бы крайне интересно, но получится ли потом безнаказанно уйти? Ведь Фошка Джордже все еще не причислял себя к камикадзе.

Он начал неторопливо, как бы с ленцой, снимать с плеч рюкзак.

Один из сидящих во вновь остановленном электромобиле «Тойота» людей достал из бардачка машины маленький электронный бинокль и глянул на берег канала в увеличенном ракурсе. Можно было подумать, что он собрался получше рассмотреть невидаль – авианосец. Однако его интересовало другое; он знал, что искать, и быстро обнаружил высокого парня с большим рюкзаком. Сидящий за рулем «турист» вновь взял в руку телефон и сказал очередную, на первый взгляд снова ничего не значащую фразу – доклад о том, где конкретно находится «носитель». Женский голос ответил им что-то игривое, но это был приказ на осуществление акции. Смотрящий в бинокль «брат-освободитель» медлил. Он считал, что секунда-другая значения не имеет. Он очень ошибался в этом, как и в том, что имеет полную власть над происходящим процессом.

Однако это неудивительно. В заблуждение были введены

все, так что каждый из участников готовящейся произойти драмы ошибался. Фошка Джюрдже ошибался в том, что не является камикадзе. И в радиусе поражения своего «рюкзачка», кстати, тоже. Незнакомый ему собрат по «партии» – «брат-освободитель» в электромобиле – ошибался насчет того, что секунды не имеют значения. Представитель ГОМ тянул время, он почему-то считал неэтичным, если рюкзак знакомого ему по фотографии человека разорвется прямо у него на спине. Картина подрыва около ног казалась более приемлемой. Однако даже у людей, сидящих в «Тойоте», власть над процессом простиралась не далее, чем в возможности наблюдать «носитель» и докладывать о его местонахождении.

В случае потери секунд дело обстояло сложнее. «Динозавры» взлетали с палубы не только для демонстрации сегодняшней вертолетной моды. «Фенимор Купер» впервые шел через Панаму. Кэптен, будучи настоящим моряком, не доверял до конца береговым службам, так что «СН-72» не просто парили, демонстрируя сухопутным крысам мощь моря, а еще и осуществляли патрулирование расположенной впереди местности. Кроме того, хоть антенны авианосца и не работали на излучение, они продолжали впитывать информацию извне. Естественно, сверхчувствительные антенны слежения за активностью эфира уловили все телефонные передачи «братьев-освободителей» и даже непредусмотренную активацию пролетающего в четырехстах километрах вы-

ше спутника. Электронно-вычислительной мощи «Фенимора Купера» могли бы позавидовать многие отдельные страны планеты Земля и даже некоторые регионы в целом.

Абсолютно без прямого участия человека компьютеры разведки приступили к дешифровке информации, а также к отслеживанию звонков. Кроме того, с помощью новой системы геопозиционирования они начали вычислять местонахождение радиотелефонов с точностью до четверти длины волны применяемой ими частоты. Аппаратура не умела удивляться, однако она действовала в соответствии с заложенным когда-то алгоритмом, а разработали его явно не дураки. К моменту, когда сидящий в автомобиле «Тойота» «освободитель» еще продолжал ловить ворон, дожидаясь, пока отстоящий на безопасной от автомобиля дистанции (по его наивному представлению) путник опустит на бетон рюкзак, там, в спрятанном под полетной палубой отсеке, на экране компьютера загорелся сигнал приоритетного сообщения. Оно вызывалось усилившейся активацией эфира в расположенной вокруг «Купера» местности. Офицер разведывательного отдела прервал мелочную вялотекущую работу и вывел на экран новую информацию. Он был профессионал, поэтому ему не требовалось читать и просматривать все от корки до корки.

– Надо бы включить «шумилку», – сказал он сам себе и активизировал связь с вышестоящей инстанцией.

Под «шумилкой» разумелась находящаяся на борту ко-

рабля система радиоподавления. Она предназначалась для отражения ракетных ударов и запутывания чужих локаторов. В случае включения ее на полную мощь как минимум все обычные «штатские» телефоны, радиопередатчики, телевизоры, да и телевизионные станции, оказались бы неработоспособны по крайней мере в радиусе тридцати сухопутных миль. Кое-кого могли бы спасти горы, но ведь «братья-освободители» находились ближе.

Одновременно и независимо от этого поднявшийся вторым и отлетевший на километр «СН-72» включил свою собственную разведывательную станцию. Летчик сделал это по привычке, а вовсе не по необходимости. Поскольку «СН-72» был многофункциональной морской машиной, то одной из самых привычных, но вовсе не простых работ, выполняемых его экипажем, являлся поиск вражеских подводных лодок. Летчик не был сумасшедшим, он не планировал найти в шлюзовой камере канала – да вообще-то даже в озере Гатун – враждебно настроенную субмарину. Однако что плохого случилось бы с того, что аппаратура заработала? Она ведь даже не поглощала дополнительную энергию – пользовалась дармовой мощностью вращающего лопасти двигателя.

В комплект противолодочных датчиков-поисковиков входил и блок, реагирующий на повышенный радиационный фон. В данный момент он внезапно активизировался. Этим заинтересовался второй пилот. Однако он совершенно не насторожился. Он толкнул «первого» в спину и, показывая на

покрасневший индикатор, пошутил:

– Видел? А говорят, что заряды на борту нашего «Фени» изолированы как полагается.

– Проведи контроль! – бросил первый пилот не оборачиваясь, ибо в отличие от прошлых времен вертолеты две тысячи тридцатого были очень узкими, и летчики сидели не рядом, а один за другим.

Второй пилот нажал клавишу проведения контроля функционирования. Благодаря шагающей семимильными шагами кибернетике данное мероприятие должно было завершиться за двадцать восемь секунд. Однако им было не дано дожидаться результата.

* * *

Аппаратура «Фенимора Купера» успела распознать это как разбитое на фрагменты кодированное сообщение. Фрагменты явились с разных адресов, и наверняка сам по себе ни один из них не мог быть дешифрован. Сверхскоростные компьютеры разведки приступили к пошаговой разделке сигнала, однако еще до раскрытия загадки они соотнесли находку с большим подмножеством кодов, в которое среди многого другого входили коды запуска ракет и инициаторы подрывов ядерных головных частей. В случае, если бы такое умствование произвел человек, все бы согласились, что сработала интуиция, а может, даже шестое чувство.

Однако в силу довлеющих обстоятельств эти достижения кибернетики могли иметь только ретроспективное значение. Коды уже сработали.

Недополучивший образования мозг серба Фошки Джордже не имел сенсоров для улавливания пришедших фрагментов кода. Он действовал по выработанному ранее плану. Фошка Джордже опустил тяжесть на бетон и выпрямился. Но отдыхать времени не было. Он сунул руку в карман и выхватил оттуда гроздь мелких новодолларовых купюр. Стопка успела взлететь в воздух. Трудно сказать, обратили ли на это внимание сидевшие поблизости панамцы: вокруг происходило достаточно много интересного, и оно отвлекало. Например, унесшийся на километр бесшумный «Динозавр» неожиданно начал разворачиваться, демонстрируя вместо плоскости кормы поперечную рельефность. Возможно, два СН-72 собирались брать подозрительный источник радиации в приборную «вилку».

Находящийся в ста метрах в стороне от серба и уже обративший на него внимание полицейский удосужился отметить, что снятый со спины рюкзак подозрительно не опал, а продолжает сохранять продолговатую форму. Сделать какие-либо выводы он тоже не успел.

Сидящий в поставленном на холостой ход электромобиле «брат-освободитель» все еще держал «носителя» боеголовки в фокусе бинокля, когда, независимо от находящейся в его пользовании, но так и не нажатой фальш-панели, устрой-

ство, помещенное внутри продолговатого рюкзака, сработало.

Все относительно сложное в этой вселенной происходит сразу на нескольких уровнях. Где-то на нижнем – в плане микроскопии – произошло деление плутониевых ядер. Так же протекла реакция синтеза трития в гелий, и снова деление очередной порции плутония. Все действовало по принципу матрешки – одно служило детонатором другого и одновременно, за счет слишком маленького, не осязаемого чувствительностью человека временного отрезка, накладывалось друг на дружку и выплескивало во внешнюю статику.

Бомба, сделанная по принципу усовершенствованной «слойки», изобретенной лет восемьдесят назад коммунистом Сахаровым, была, естественно, водородной бомбой. Однако она значилась переносной, а потому не имела привычно толстого стального корпуса. Для сдерживания реакции применялась сложная система из направленных в фокус зарядов. Хитрость была в том, что имитаторы корпуса подрывались на микробную долю микросекунды ранее, чем даже химические прессователи плутониевой сферы. Как-то все это сверххитро рассчитывалось, ибо оба химических взрыва не успевали помешать один одному. Ну что ж, математика старая область приложения человеческого ума; она ушла далеко, а с появлением компьютеров скакнула еще дальше. Сейчас абстракция была по окружающим ужасной явью.

Итак, у ног Фошки Джордже полыхнуло водородное све-

чение. Подброшенные в воздух доллары исчезли. Предположительно, в одну из предшествующих пикосекунд все статично помещенные в воздухе бумажки успели последовательно просветиться сверхмощным рентгеновским потоком и, следовательно, пройти последнюю в своей жизни идентификацию на подлинность. То, что произошло с Фошкой Дж-юрдже, нельзя назвать кремацией – это был гораздо более приближенный к абсолютной энтропии процесс. То же самое случилось с несколькими десятками тонн бетона – приблизительно на радиус восьми метров от эпицентра. Действительно не больше. Ведь бомба хоть номинально и относилась к водородным, тем не менее являлась переносным устройством. Так что общий эквивалент с трудом дотягивал до трех тысяч тонн тринитротолуола.

Да, да! Именно этот суший мизер!

Однако...

* * *

Еще до того как эхо ударной волны заставило срезонировать окружающие горы и записало в свидетели случившегося разбросанные на побережье города, включая столицу, все находящиеся поблизости и не прикрытые складками рельефа люди подверглись воздействию менее дальнобойного поражающего фактора – атрибутики лазерных разборок будущих тысячелетий – световому излучению. Для столь быст-

рой штуки, как ударно-световой импульс, люди представляются статичными предметами – декорациями, выставленными на сцену для создания фона. Те, кто ближе, испаряются, причем ничуть не медленнее, чем зависшие в воздухе купюры; кто дальше – обугливаются; отодвинутые совсем в сторону, но развернутые неудачным ракурсом – слепнут. К примеру, «брат-освободитель» в «Тойоте». Он явно очень не вовремя пользовался хранящийся в «бардачке» бинокль. Впрочем, без переживаний; он не стал вечным хранителем мятой шляпы для подаяний. Ведь существовали и другие поражающие факторы. Что-то подбросило его электроприводную машину, перенесло метров на двести в сторону и шмякнуло. Так что оба «брата-освободителя» оказались запрессованы в очень малом объеме, недостаточном для размещения живого человека.

А что же авианосец? – спросите вы. Перевернулся кверху брюхом и брыкает винтами – ластоногая жертва? Уймите пыл. В деле – три килотонны. Для столь геометрически различных подвигов нет энергетического зазора. К тому же корабль затенен двойной створкой шлюза и зеркалом покоящейся выше воды. Вот если бы чуть позже... То есть когда «Фенимор Купер» выдавился бы законом Архимеда вверх... Однако мы знаем, как немного малых для макромира отрезков времени – секунд – осталось в распоряжении подрывников. Еще бы чуть-чуть...

Тем не менее, несмотря на нехватку мощи, фиксиру-

ем всю гамму признаков светопреставления. Столб черноты, обогнавший местные эвересты? – Наличивается! – Грибовидное облако? – Как положено! – Бодрая трель датчика излучения, переходящая в визг? – А как же!.. Да, кстати, что там с давешним «СН-72»? Висит? – Никак нет! Стрекозиные ошметки где-то двумя километрами далее, и бесшумно чавкнувшее ими болото. – А тот «Динозавр», что менял ракурс несколько отдаленней? – Не наблюдается даже локатором! Заносим в «без вести пропавший»? – Естественно!

Так вот, «Фенимор Купер» не только не опрокинулся от прямого воздействия ударной волны (пятьдесят пять процентов мощности взрыва в данном конкретном случае), а умудрился оставить при себе некоторые локационные антенные решетки: это вам не древний примитив приемно-передающих тарелок. Ну и понятно, он совсем не оплавился от световой подачи. Понимаете, в этой вселенной, конечно, ничто не может противостоять плазме, однако взрыв все-таки жиденький – огненный шар не слишком раскинулся на местности, да и век его короток.

И значит, что же? Совсем за зря низведен на уровень элементарных частиц Фошка Джордже? В плане макротел типа авианосец имеется только достойный хук в челюсть, но отнюдь не нокаут? – Все не так просто.

Существуют косвенные методы воздействия взрыва.

Гораздо ближе, чем сам авианосец, еще ближе, чем сцепленные с ним буксиры, располагались гигантские ворота модернизированного шлюза «Мигафлорес». Ворота были двойные. Те и другие могли выдерживать огромное давление воды, создаваемое перепадом высот верхней и нижней части водораздела. Однако атомная бомба сама по себе является шлюзом между микро- и макромирами. Этот шлюз работает доли секунды, но успевает выпустить в привычный мир маленькую порцию энергии, схороненную до срока в ядрах атомов. Но для нашего мира это чудовищная, неперевариваемая добавка. Ее нужно срочно перераспределить и сосредоточить по местности. Перераспределение заключено в разделении процентов между световым импульсом, ударной волной и прочей мелкотой типа остаточного радиационного излучения. Все делается очень быстро, ибо Вселенная не терпит прорех в своем пологе: прорезь между мирами шпаклюется в мгновения ока.

И как ни прочно был скроен «Мигафлорес», он все-таки не был покрыт абсолютным отражателем или силовым полем из будущего; не способен выдержать нагрев огненным шаром (ибо попал в его радиус) и тут же после трехтысячеградусной бани – удар взрывной волны. Скорость ветра две тысячи километров в час – это вам не семечки: при тропиче-

ских циклонах – максимум в десять раз меньше, а ведь они сносят пальмовые рощицы целиком и стирают с карт деревни. «Мигафлорес» не выдержал. А его податливостью тут же воспользовалась сдерживаемая створками вода.

Наводнения и цунами – проблемы макромира; атомы их не ведают. Покуда ударная волна катнулась далее – производить уборку палубы и шлифовку антенн «Фенимора Купера», а также колыхать окружающие болота и заселять радионуклидами огороды, местами кипящая озерная водица плеснула вниз. Авианосец водоизмещением под сто тысяч тонн штука инертная – его трудно сдвинуть с места даже перепадом воды в четырехэтажный дом. Однако и он поддался – двинул свою тушу назад, ковырнув застопоренными чудовищами винтов недалекое бетонное дно. Но кроме «Купера», здесь же в шлюзе помещались два тяжелых морских буксира – очень легкие, сравнительно с левиафаном, вещицы.

Они стойко выдержали пронесшийся поверху воздушный смерч: первый из буксиров частично прикрыли створки несчастного «Мигафлореса», второй помещался за кормой подвижного аэродрома. Однако предательство родной стихии – воды – переполнило их чашу терпения. Они вздыбились, подскочили поплавками. И если первый из буксиров врезался в носовую часть гигантского корабля, последствиям чего еще только предстояло обустроиться в истории, то второй катнуло назад.

Миниатюризация привилась в компьютерной моде, но ни-

как не в движении международных грузопотоков. Так что хороший океанский буксир – это две тысячи тонн железа, пластика и носового резинового набалдашника для толкания барж. Само собой, буксир не стоял на якорях. И что, вы думаете, протаранил этот маленький монстр, брошенный назад завихрениями потока? Естественно, он всей массой саданул в расположенные вплотную ворота – следующие по счету – теперь уже входные створки шлюза «Мигафлорес». Понятное дело, взбесившаяся вода тоже приложила плечико.

И все повторилось. В плане того, что когда там, над сушей, воздушная волна завершила бег и отразилась от окрестных гор, здесь, в шлюзовой взаимосвязи сообщающихся сосудов, все еще бурлили потоки ищущей гравитационную впадину жидкости.

* * *

И вот теперь великанский кит по прозвищу «Фенимор Купер», лежа на куске суши между двумя океанами, в пересохшей капиллярной полости, умирал от отсутствия воды.

1

Обработка сырья

Тюрьма – она тюрьма и есть. Место ограничения индивидуальной свободы. Искусственная изоляция от внешнего мира. Анклав изгоев, тут надо держать ухо востро. Территориальная флюктуация душевных и физических страданий. И концентрация боли тоже. Хотя вроде бы тут конкретно не Средневековье – давно шествует по миру двадцать первый век. Однако если и не боль, то возможность ее применения в любую секунду. Не верите? А попробуйте перелезть через забор во время прогулки или просто резко дернуться и отбежать в сторону в момент прохода по коридору. Вообще-то «отбежать» – слишком громко сказано. Вас остановят еще до этого. И окрик будет самым мягким из ограничителей. И еще: если это, как в данном случае, тюрьма военная, то есть у нее своя специфика. Ибо она должна значительно превзойти по жесткости армию – структуру по своему устройству и предназначению строгую. И значит, сравнительно с обычной тюрьмой, есть у нее свои минусы, хотя, разумеется, и свои плюсы. Ну да не о них речь. Речь о том, что если вы попадаете в такое заведение не обычным порядком, за всякие там дезертирства, невыполнение приказов, мародерство или примитивное воровство у спящих бок о бок сослужив-

цев, а по несколько другому поводу, то тут вас может встретить вообще не сахар. Ведь вы же попадаете сюда вроде бы в качестве военнопленного, в том плане, что действительно взяты в плен в бою. Однако на самом деле на вас не распространяются никакие международные нормы по содержанию. Нет, понятное дело, что черед... мягко говоря, конфликтов двадцать первого века превратила многие из давнишних правил ведения войны (идиотское словосочетание) в совершенно высохшие чернильные каракули полоумных предков. Так вот, на вас лично не распространяется даже остаток ауры этих самых чернил. Ибо... Ведь вы же, по сути, не есть даже военно-пленный. Вы же, страшно сказать, – наемник!

Так вот, мало того, что вы еще и наемник, вы, как выясняется, да вообще-то и подразумевается изначально, являетесь объектом, ведающим кое-какие секреты. А значит... В общем, кроме изоляции, режима и жесткости, от вас еще должны выведать кое-что. Технологии тридцатых годов вносятся в процесс добывания скрываемой человеком информации некоторые нюансы. Но по сути все это лишь плановое развитие давнишних наработок. Как все знают, на этом полезном, для государственных и прочих громоздких структур, пути человечество всегда достойно преуспевало. Что имеется против этого? Такие же большие антагонистические структуры. Ну а если их маленький болтик – человека прямоходящего – выколупали из структуры и положили под стекло? Вне своей стаи, в камере-одиночке, под лупой сле-

дователя и большим микроскопом спецслужб, он все такое же напуганное животное, маленький таракан, мечущийся по банке. Несмотря на все – воистину нечеловеческие – усилия, эволюционная гильотина так и не выработала устройства, позволяющего отдельному объекту воздействия успешно противостоять направленному усилию продуманно приработанного монстра. Под внимательным пинцетом Голлема вы ничто, потерявшая соринку инфузория. И он выжимает и лепит из вас первозданную глину.

Каким образом? Каждому свое. Плюс имеющееся в распоряжении время и значимость требуемой информации. За последние десятилетия практическая психология шагнула далеко вперед. Ну а после психологов – если их недостаточно или же первый фактор – время – не наличествует в необходимом количестве, – вперед выступает... Нет, Средневековье, разумеется, не затерлось историей, а даже дало обильные ростки, которым может позавидовать маркиз де Сад, однако в дело вступает фармакология. Госпожа химия, особенно биохимия, – это великий чудесник. Что она может творить, попадая сквозь иголку под кожу! Оказывается, эта сложная, студнеобразная штукавина – мозг – очень просто управляется с помощью чудовищно простых, сравнительно с ним, соединений. И требуются всего-то миллиграммы. Современная постиндустриальная промышленность готова выдавать такое сырье мегатоннами. Хватит для обработки всегалактической популяции. Соседи с Больших Магеллановых Об-

лаков, вам случайно не требуется цистерна-две «сыворотки правды»? Детекторы тоже есть, но они сложнее и в эксплуатации, и в производстве.

Итак, военная тюрьма в США – это явно не сахар для любого. Но для вас это еще и зеркало, в котором вы очень хорошо ощущаете свое собственное ничтожество.

Любители изучения собственного «я»! Просим, просим! Вход бесплатный, но в наручниках. Выход? Об этом стоит поразмышлять отдельно.

Двадцать первый век. Вторая четверть. Технология скрытого наблюдения переплюнула даже фармакологию. Вседиапазонные микрокамеры можно воткнуть где угодно, а уж подслушивающие «жучки»...

Где вы – славные времена Монте-Кристо? Попробуйте делать подкоп бесшумно и чтобы это не видел инфракрасный глаз-наблюдатель. Решетки? Но вы же не Терминатор-2, дабы проходить сквозь них, не разрушая.

И значит, о побеге и прочем в этом духе, действительно, только поразмышлять. Естественно, когда голову не очень мутит от фармакологии. Ну а если не мутит, ожидаем следующей повышенной на миллиграммы дозы.

2

Диспропорция

Господствующая несколько столетий идея расового превосходства белого человека уже несколько десятков лет старательно загонялась в архив. Объяснялось это так называемыми объективными причинами. То есть вроде бы вид «человека разумного» стал действительно разумным, в связи с чем он тут же преобразился в доброе и гуманное существо, сходное с ангелом. Как говорится: «Заверните такого же, но без крыльев». Однако искать катализатор чисто внутреннего преобразования человека как вида – дело пустое. Сознание, тем паче сознание массовое, есть сложная реакция на давления среды. Все его пируэты – это эквилибристика примирения агрегатов конечной сложности к взаимодействию с бесконечно сложной структурой, к тому же агрегатов смертных, но в силу дефекта общей конструкции мозга могущих успешно работать только в условиях незнания этой известной им истины. Отсюда все коллизии культурных надстроек. От попытки завуалировать лежащее на поверхности. И не просто завуалировать, а произвести новую, пусть виртуальную реальность, цель создания коей всего лишь заслониться от объективной истины. Однако не об общих культурных наслоениях сейчас речь. Приученное функционировать только

в условиях обхода собственных дефектов индивидуальное, а также массовое сознание уже в силу этого не может обходиться без лжи.

С уходом в тень идеи расового господства случилось то же самое. То есть как общепризнанное объяснение принималось, что человек в силу планово-постепенного познания природы дошел до понимания вообще-то общеизвестной и ранее истины, что все люди – братья. Успехи генетики выдали для этого окончательно неопровержимые доказательства. И да здравствует! И «ура»! Однако существовали более прозаические и лежащие на поверхности причины. Основных было несколько.

Перво-наперво, когда сколько-то столетий назад этих самых людей с черной кожей тащили через моря-океаны в Америку, они были экзотической редкостью, к тому же изначально имели бирки с надписью «Товар. Руками трогать». Затем к ним притерпелись, с ними долго жили бок о бок. Происходила неизбежная ассимиляция, притирка. Бирки спрятали, между делом задвинули в тайные чуланы души. Видите ли, человеческая, да и не только человеческая, психика не способна воспринимать как экзотику то, что окружает тебя с рождения. Плантаторы следующих поколений с младенчества наблюдали вокруг слуг и нянек с темной кожей. Кроме того, эти бабки-няньки сами были местными, разговаривали на языке плантатора, и можно было, только опираясь на пришлые, не могущие подтвердиться лич-

ным опытом знания, ведать, что предков этих самых нянек и конюхов когда-то приволокли из чужих, заокеанских джунглей. Кроме того, та же психика устроена так, что мы сочувствуем окружающим. Помимо того, здесь, так же как и в физике, сказывается закон ослабления реакции согласно кубу от расстояния, да еще и с поправкой на временной параметр. То есть, чем ближе и дольше мы знакомы с человеком, тем более мы его понимаем и сочувствуем. (В законе случаются прорехи, ну да не о них речь.) И можно спокойнехонько хлестать плеткой тех, кого только доставили в трюме с различной биркой «товар», но уже как-то не так вольготно делать это же с теми, кого знаешь с малолетства. К тому же поток этого самого «товара» из-за морей ослаб. Ведь вылавливали «товар» в основном сами же местные царьки, ведущие собственную торговлю с заморскими путешественниками. Но поскольку за сто лет со второго по величине континента вывезли сто миллионов единиц «товара», сами государства этих царьков потеряли фундамент своего существования и сжались шагреновой кожей. Так что когда в очередной раз пришельцы явились за данью, то, кроме себя и своей челяди, царькам не удалось ничего более предложить.

Поскольку внешние караваны с «товаром» испарились – пополнение со свежими «бирками» исчезло. Путь лежал в выращивании «товара» тут же, на месте. Однако естественные условия африканской привольности здесь, в Техасе и Арканзасе, никто не собирался даже имитировать. Плодил-

ся «товар» плохо, разве что еле-еле восполнялся. Приходилось его беречь и меньше колотить по темечку. В общем, в конце концов дело с рабством выгорело. Ведь новую Африку не открыли, а местные индейцы оказались для работы на плантации худосочны. Ну а не найденная Куком Антарктида была населена совсем уж ни на что путное не способными пингвинами.

И что ж? Выгореть дело с рабством-то выгорело, но прошедшие генетический отбор, посредством плеток и корабельных трюмов, новые чернокожие жители Америки теперь стали существовать на общем основании. И поскольку со временем они даже оказались героями книг и фильмов, то есть как бы узаконенными для окружающих людьми (заметьте, со зверями этого не случилось, хотя во многих книгах о них пишут как о вполне сознательных существах: может, дело все-таки в генетике, а не в книгах?), то вот именно теперь для них создались условия, может, и не повторяющие африканскую вольготность, но, видимо, достаточно серьезно ее имитирующие. И уже легко догадаться, что сделали эти дети разных народов большого континента Африка, предки коих были совместно преданы своими милыми, обвешанными бусами царьками. Они стали плодиться и размножаться. При чем – что существенно – по взглядам просвещенного белого человека, без меры. Вот именно это, а не какие-то выкрутасы развившегося в процессе эволюции сознания, имело реальный вес для задвиги расового вопроса куда подальше.

Именно это стало вторым, третьим, четвертым и тридцать шестым.

Как может подниматься вопрос о расовом превосходстве, когда тех, против кого ты его жаждешь развернуть, по количеству не менее, чем подобных тебе по цвету кожи? И кроме того, теперь против них у тебя нет большого невиданного корабля с пушками, способного поразить воображение обвешанного зубами носорога царька. Точнее, корабли-то есть, однако служба на них доступна как той, так и другой расе.

Ну а далее совсем худо. Ибо имитация привольностей африканских джунглей превзошла по параметрам оригинал. Закон «плодитесь и размножайтесь» действовать-то не прекратил.

И вот теперь, в две тысячи тридцатом, когда в конкретной стране – Соединенных Штатах Америки – людей с генетическим наследством тех, кто проехался когда-то через Атлантику в трюме, стало больше, чем наследников плантаторов с плетками, вопрос о расовом превосходстве белого человека и прихлопнулся крышкой ржавого сундука истории. А научные прорывы человеческого ума в этой самой генетике оказывались тут абсолютно в стороне. Дезоксирибонуклеиновая кислота действует сама по себе, без всякого интереса к нашему знанию или незнанию о ней.

3

Обработка сырья

Ну, прелести одиночной камеры не перечисляем. Эвересты, марсианская гора Олимп литературы по данному вопросу громоздятся, открывая правду страждущим по истине. Естественно, ничто не заменит собственного опыта, но с телепатией, несмотря на двадцать первый век, идет пробуксовка, так что передача ощущений снова через ту самую фильмо-книжную гору. Не будем ее касаться. В принципе, уже через неделю одиночной отсидки даже тот, кто об указанной горе ведать не ведал, начинает прозревать. Несмотря на полную уверенность каждого в своей личной уникальности, в плане возможностей познания окружающего мы абсолютно идентичны. Глаз, ухо, кожа и нюх. Всякое моделирование экзистенции истины внутри, это уже после, с некоторым отличием за счет предыдущего воспитания памяти, логики и умения снабжать кровью натренированные области серого вещества.

Главное, любой сразу же понимает, что данные в распоряжение кубические метры выделены не для удобства. Цель — сломать волю. Раскатать человечка обратно в первозданную глину, а потом, может быть, снова что-нибудь скатать. Однако утюги и гладильные доски для раскатки есть разных ма-

рок, так что иногда одиночная камера не отвечает всем условиям преобразования в новый образ. Не создает она нужных ракурсов для лицезрения внутреннего мира, когда-то ранее именуемого душой. Вот по этому поводу заключенного иногда извлекают из обширной банки одиночной камеры и опускают в переполненный сосуд, набитый идентичными двуногими с лихвой. Иногда здесь уже создана иерархическая тараканья структура, иногда нет. И выборка зависит не от случая, а от поставленной следователями-экспериментаторами цели. Они здоровские интерпретаторы, их творческая жилка явно не полностью запрессована рекламно-телевизионным гипнозом.

Естественно, неглупые вроде бы подопытные догадываются о целях. Понятно, они ведают о видеокамерах и «жучках», однако что они могут сделать с психологической реакцией? Например, на встречу с несколько позабытыми лицами сослуживцев, с теми, с коими вместе топали когда-то по пампасам с «плазмобоями» на изготовку? И кто-нибудь уж совсем по-суперменски контролирующий свои реакции, может, только обнимется сдержанно, да и то понимая, что уже это обнимание с конкретным другом-товарищем может сказать кому-то спрятанному за «глазком» что-то конкретно важное. Вдруг именно эти «обнимашечки» вымученных одиночным проживанием тараканов и являлись целью ситуационного эксперимента? А еще если:

– Господи, товарищ лейтенант, вы еще живы? А мы уж тут

опасались...

И пошло-поехало, и ведь почти наверняка кто-то что-нибудь ляпнет. А если и не ляпнет, то кто-то другой цыкнет вовремя на говоруна, и это цыканье никак не ускользнет от неживых, но внимательных микрокамер. И тогда кто-то скрытно анализирующий ситуацию поставит на экране компьютера меточку – «да-нет» – эдакую козявочку-указатель на реакцию крысы, сунутой в лабиринт. И где-то микробно вспыхнет файловая запись о том, кто кому в исследуемой группе симпатизирует и на кого посредством кого или чего можно будет при случае надавить. А так в общем, если отрешиться от анализа, все очень даже весело. Те, кого наблюдаешь, сейчас в здравии, и с кем снова движешься по временному вектору сообща, живы, даже хорохорятся:

– Видали мы этих янки, знаешь где, лейтенант?

Конечно же, он знает. Если только затолкать обратно сразу же возникающую ассоциацию. Воспоминание о том, как...

– Так вот, господин наемник Минаков... Так вас, кажется, кличут? – ухмылялся тогда местный, вполне американский, но белого вида дознаватель. И даже, наверное, не ухмылялся, а так, по наследственной привычке, демонстрировал достояние Америки – ровный белесый оскал.

– Видите ли, товарищ лейтенант Минаков, Герман Всеволодович, мы выяснили, что вместе с вашими сотоварищами вы занимались этнической чисткой угнетенного населения Южной Африки. Вы вполне попадаете под статью Организа-

ции Объединенных Наций.

«Понятненько, – рассуждал тогда Герман Всеволодович Минаков, – и на моих показаниях, точнее на наших общих, можно в какой-то мере выработать оправдание для собственной, американской агрессии».

И теперь, покуда они обнимаются и осторожненько – дабы случайно не задеть какой-нибудь привет из Средневековья – хлопают друг друга по спине, кто-то там, за объективом, или чуть погодя, за просмотром записи, выцеливает, в какую область памяти Минакова или того, с кем он обнимается, нанести самый колющий и болезненный удар. Догадливые жертвы знают об этом, но что можно предпринять? Каким образом таракан в прозрачной банке способен спрятать свои усы?

И ведь что еще интересно, точнее пакостно до той степени, что не хочется сразу вспоминать. Оказывается, в процессе своего нахождения под лупой добытчиков секретов, в результате каких-то переотражений стекла, ты сам научился видеть некоторые свои реакции насквозь (здравствуйте, господин Фрейд!). И вот в процессе этого нового знакомства с себе подобными (во всех смыслах) вдруг замечаешь внутри собственного «я» эдакого подленького наблюдателя. Он присматривается к окружающим не просто так. Он ловит поблекшие, маскируемые отметины перенесенных товарищами болей, унижений и чудовищных озарений, когда, внезапно выскакивая из какого-то тумана, напущенного миллиграммом фармакологического чуда, осознаешь, что ты уже

выдал нечто архиважное с потрохами. А вокруг самодовольные ухмылочки следователей, такие самодовольные, будто они сами великие алхимики-фармацевты, создавшие в мензурках нужную «сыворотку».

И вот так подноготно присматривая за вновь обретенными друзьями-товарищами, неожиданно замечаешь, что прямо через их добрые, притушенные глаза за тобой наблюдает такая же внимательная химера. Тогда внедрение в коллектив и привыкание к «общежитию» перестает быть так захватывающе радостным. Тем более ведь твою радость тоже фиксируют всевидящие «жучки».

4

Игроки

— Господин президент, я как глава Федерального бюро расследований вынужден признать, что мы абсолютно не предвидели лавинообразное нарастание рассматриваемого процесса. То, что где-то в отдельных городах могут случиться волнения, предусматривалось. Однако то ли по так называемому «закону подлости», то ли в силу причин, на которых я остановлюсь позднее, но первые вспышки произошли именно в тех городах, на которые мы обращали первичное внимание менее всего. Затем, когда мы, говоря по военному, провели новую концентрацию агентов и сил на угрожающих направлениях и, как следствие, ослабили группировку в изначально предполагаемых местах, начались беспорядки и там тоже. Создается ощущение, что все происходящее не есть спонтанный процесс. Это хорошо срежиссированная акция. Покуда мы не ведаем ее конечной цели. Не принимать же за цели лозунги, раздающиеся в тех или иных штатах? Даже если брать их за чистую монету, то все равно на чем же остановиться? Они слишком сильно разнятся между собой. В одних городах, и даже штатах, выкрикивают одно, в других другое. И если бы только так, а то в тех же самых местах распространяются прямо противоположные взгляды.

Например, некоторые требуют отделения от США, но здесь же можно встретить и таких, кто просто хотел бы, в рамках тех же Соединенных Штатов, произвести перераспределение федерального бюджета. Мол, центр тратит его не туда, куда надо. Понятно, что всю эту мелочь подавляют агрессивные расистские лозунги. И здесь тоже наблюдаем большой спектр. От подстрекательств солдат и моряков дезертировать из армии, которая вроде бы, по взглядам реакционеров, ведет в Африке войну на уничтожение, до призывов перенести войну сюда, на Американский континент. То есть уничтожить здесь белую расу подчистую и основать САШЧ – Свободные Американские Штаты Черных. Разумеется, на фоне этой пестроты, которая вообще-то выглядит крашеной в один тон, можно все-таки предположить хотя бы одну явную цель.

– Интересно, какую? – спросил внимательно слушающий доклад президент США Ад Буш.

– Самую элементарную, господин президент. Общую дестабилизацию обстановки. Другой вопрос, до какого уровня? Возможно, до того, до коего мы позволим разгореться пожару.

– Господин Талс, а разве мы сейчас контролируем ситуацию? – прищурился человек, прозванный в народе, да и в официальных кругах, Буш Пятый.

– Нет, господин президент, ситуацию мы, разумеется, не контролируем. Но ведь, как я понимаю, потому мы и прово-

дим это совещание в узком кругу, дабы разобраться, на какие меры пойти, чтобы вернуть все на круги своя, правильно?

– Правильно, – кивнул Буш. – А как думаете (это вопрос ко всем, господа!), почему не сработали наши обычные методы контроля ситуации?

– Можно мне? – приподнял руку директор ЦРУ Айзек Уинстан. – Мы тут все свои, можно говорить честно. Господин президент, господа, вы прекрасно понимаете, что в любом что-то значащем государстве власть должна пронизывать своей агентурой всю структуру сверху донизу. Особенно в нашем государстве, которое уже далеко не первое десятилетие лидирует на земном шаре. Так вот, понятно, что давно исчерпали себя проекты простого силового контроля. С усложнением этой самой структуры их время вышло. Понятно, что они не исключаются полностью. Вот, например, сейчас пришло время для силовых акций. Но я отвлекся. Сложный контроль с манипулированием массами включал в себя многие аспекты. Все мы понимаем, что даже проблема наркотиков не решена до конца нами и нашими предшественниками намеренно. Да, это грязноватый метод. Но если бы не все эти многочисленные виды наркотических трав и таблеток, дурмнящих мозги некоторым социальным группам, то я вам гарантирую: проблемы, которые мы получили только что, возникли бы лет двадцать, а то и тридцать назад. Люмпенизированные слои населения, не увиденные

в сторону получения мгновенных и легкодостижимых удовольствий, – это опасное болото, населенное монстрами. Если не глушить их экспансию подавляющими сознание препаратами, своей животной активностью они опрокинут государство. Тем более мы знаем, что в силу некоторых обстоятельств, и вообще-то не расового, а социального свойства, наркомании подвержены именно «не белые», то есть афроамериканцы и испаноязычные слои...

– Уважаемый директор Центрального разведывательного управления, мы что, тут собрались для решения вопросов мерзопакостных наклонностей человека прямоходящего? – перебил нового докладчика Буш Пятый. – По-моему, речь идет несколько о другом.

– Извиняюсь, господин президент, извиняюсь. Но еще минутку. Я вот что хотел сказать. Государство – это жестко скрепленная обручами бочка. Мы все знали, что рано или поздно старые обручи не выдержат, ведь бочку распирают новые и новые проблемы. Мы даже готовили новый хороший обруч. Тут все свои, все в курсе. Мы вели интенсивную разработку по теме «гипноизлучателей». Вместе с Министерством обороны мы даже разрабатывали спутник для глобального контроля и управления массами. Однако господа ученые, конкретно те, что занимаются биологией и прочей анатомией, нас подвели. Видите ли, психика человека оказалась гораздо более сложным делом, чем казалось поначалу. То есть крайне быстро происходит привыкание и внешний

фактор перестает действовать. Нет, нет, господин президент, я тут не собираюсь развивать еще и эту тему. Я просто хочу сказать, что мы...

— Господи, Айзек, — вновь оборвал его глава администрации США. — Вы тут используете наше время для самооправдания? Прекратите. По виноватым будем разбираться после. Мы здесь все в одной лодке. А кто-то неизвестный нам очень сильно ее раскачивает. Я уж так образно — накипело. Все эти лозунги, эти выскочившие откуда-то и терроризирующие города черные и латиноамериканские банды — это все волны. Но ведь кто-то дунул и нагнал их. Вот я, да и все окружающие, хотим знать, кто? Вот сидит министр обороны. У него в распоряжении самая мощная и мобильная армия и флот, но что с ней делать в этих условиях? Куда направить силищу? Вы, господа, вы, — Ад Буш ткнул в церэушника и фэбээровца пальцем, — вы должны были подсказать и направить. Почему все разразилось так внезапно?

— Господин президент, — директор ЦРУ неожиданно покраснел. — Каждый год наш официальный, да и неофициальный бюджет сокращается. Нашему продажному конгрессу жалко государственных денег. Они думают, раз сейчас все нормально, то так будет всегда. Вот мы и поплатились. Мой коллега из Федерального бюро говорит правильно. Весь происходящий ныне в южных штатах спектакль — это срежиссированное кем-то представление. Точнее, если бы представление. Все серьезно. Здесь замешаны не только внутренние,

но и внешние силы. Хотя какие из них превалируют, я пока не берусь судить.

– Вы что, подозреваете кого-то внутри, Айзек Уинстан? – спросил президент.

– Конечно, подозреваю. Кому выгоден развал? Ясно кому. Большим корпорациям. (Только не посчитайте меня марксистом-ленинцем.) Они спят и видят, как совершенно прекратят платить налоги и прочее. Они бы, наверное, рады отхватить куски собственной, негосударственной территории, как в какой-нибудь Колумбии с Венесуэлой. Там бы они разгулялись как хотели. До многих из них абсолютно не доходит, что все их мизерные налоги – это плата за процветание. Сейчас мы решаем не только свои собственные – государственные – вопросы, но и вопросы их выживания. Ведь все думающие хоть что-то понимают. Как только наша большая дубина – представленная здесь министром Линном армия – перестанет нависать над «шариком», наши доблестные корпорации-монополисты окажутся перед сворой равных конкурентов, к тому же натасканных на неравной борьбе, когда бьешься за жизнь, а в шею тебе врезается поводок.

– Сегодня не один я выражаюсь красиво, – улыбнулся Ад Буш. – Я даже заслушался. Так вы, Айзек, подозреваете какие-то конкретные корпорации?

– Так вы же нас связали законодательно со всех сторон. Естественно, за ними всеми нужно было следить годами. Накапливать информацию, отслеживать доходы.

– Короче, полицейская диктатура, да?

– А разве откладывание всего в долгий ящик – «авось, пронесет» – лучше, господин президент? Вот сейчас посыпалось. Теперь будем вводить в мятежные (разве я неправильно выразился?) штаты войска. Давить этих негров, то бишь афроамериканцев, силой.

– Ну, успокойтесь, господин директор, это мы еще не решили, – проявление людьми эмоций развлекало президента, он был бывшим боксером-любителем, почти профессионалом. – Мы ведь для того и собрались здесь, правильно? Естественно, если бы вы успели разработать свои «чудо-спутники», тогда другое дело. Нажали бы кнопку. Поменял бы он там орбиту – или что там у него еще есть – и наступила бы в Техасе и прочих штатах тишь-благодать. И кстати (этот вопрос министру обороны). Господин Шеррилл Линн, я думаю, вы уже прикидывали. Каковы возможности нашей армии, флота и прочего по поводу возможного применения силы в... как выразился наш директор, – «мятежных» штатах?

– Господин президент, как вы знаете, самые боеспособные из наших сухопутных частей находятся сейчас в Африке. Понятно, какие-то, как всегда, на базах в Японии и прочих. К тому же, я бы не рискнул срочным образом перебрасывать пехоту обратно из Южной Африки. Тут даже психологический барьер. Они только что с настоящей войны. Они и здесь по инерции начнут действовать соответственно. Но мы ведь не хотим раскатать наши собственные города в ще-

бень, правда? К тому же там они привыкли действовать с непрерывной поддержкой авиации и флота. Здесь-то будет абсолютно не так, верно? Мы же не станем пулять по Детройту, или куда там еще, крылатые ракеты морского базирования, так?

– К тому же, господин президент, – втиснулся в разгорающуюся дискуссию шеф ФБР, – одним из лозунгов митингующих, бунтующих и под этот шумок бандитствующих является протест против войны в Африке, так сказать, против коренных негров. Ввод в эти города дивизий, выведенных именно оттуда, может сыграть против нас плохую шутку. Я уж не говорю, как развякаются средства массовой информации.

– Вот это верное замечание, – закивал Буш. – Если несколько пошутить на эту тему, то мне вовсе не хочется, чтобы именно на мне прервалась семейная традиция. Да еще по средством импичмента или там чего-то в таком роде. А значит, давайте думать.

И совещание продолжилось.

Обработка сырья

Как и следует ожидать, их не сводят в «общаге» на час-два. Дается время привыкнуть, вместе вздремнуть отведенные пять часов, скорее всего ночного сна. Ибо точно не определишься – в помещении круглосуточный искусственный свет и ни одного окна. Вздремнуть, если неутомимые поисковики истины – штатные служащие спецслужб не дернут на допрос. А тогда уж не поспать...

– Военный преступник Минаков, ответьте, какого типа было электромагнитное устройство, которое вы взрывали в Капских горах для нанесения ущерба американским силам освобождения?

– Но я не взрывал его лично, поэтому...

– Минаков, отвечайте на вопрос! Быстро отвечайте на вопрос!

Лампа в глаза, и по тому, как они сразу же начинают слезиться, ясно, что это какое-то специальное излучение с искусственно сдвинутой спектральной полосой: «Добрый вечер, господа фашисты! Мы так давно с вами не виделись!»

– Не закрывать глаза, Минаков! Если не вы, то кто же взрывал это устройство?

– Не знаю.

– Не знаете? Ну тогда от кого вы узнали, что будет взорвано это самое устройство?

– Какое устройство?

– Играетесь, лейтенант Минаков? Зря. У вас остается очень мало времени на сон.

– А что, солдат спит – служба идет.

– Не понял? А, так называемый русский юмор?

– Казарменный.

– Не важно, Минаков. Итак... Не спать, не спать, лейтенант! Открыть глаза!

– Так ни черта же не видно.

– Зато нам видно.

– Что вам видно-то?

– Врете вы или нет.

– По глазам, что ли?

– Вот именно.

– Какие-то у вас устаревшие методы, господа.

– Все, завязали... (Так ведь у вас выражаются?) Отвечайте на вопрос. От кого вы узнали, что электромагнитная бомба будет взорвана? И откуда вы ведали время взрыва? Отвечайте на вопрос, Минаков!..

В общем, никак не поспать свои положенные по норме триста минут. Воруются и воруются, десятками и сотнями зараз.

Но иногда дают и поспать. И ясно, не только для того, дабы заключенные восстановили силы и не померли досроч-

но. Есть и другие расчеты. Например. Когда местной ночью, назначаемой по распоряжению, чуть полыхающее сутки напролет искусственное освещение несколько притухает и все падают спать, некоторые делать этого не хотят. Да, они тоже выматываются за день допросами и шагистикой под конвоем туда-обратно, однако в этом помертвевшем свете в их, видимо, уже не совсем дееспособных головах внезапно происходит какое-то новое переключение. По непонятной причине они вдруг начинают чувствовать себя в безопасности. И тогда они пытаются беседовать с соседями. Что с того, что их соседи замыкаются и крутят пальцем у виска, предупреждая? Сами заданные вопросы, да просто затронутая тема и реакция на нее – все фиксируется впаивной в незаметных местах аппаратурой. И значит, очень скоро, на очередных допросах, круг задаваемых ребусов расширится. Или какие-то буковки в решаемых спецслужбами кроссвордах встанут на свои места.

6

Игроки

– Ну, что скажете, Миллард? Мы тут с вами наедине. Пришел ваш час заниматься своей работой – советовать.

– Прекрасно, господин президент, – согласился советник по национальной безопасности. – Тогда давайте обсудим одну вещицу. Весьма скользкую и щекотливую.

– Щекотливую и щепетильную – это что же, речь о моей будущей попытке переизбрания? Что-то мне мало верится после такой «успешной» войны.

– Вы все шутите, господин президент, а я вот по действительно серьезному поводу, – Миллард Ладлоу почему-то переключился почти на шепот. – Вы помните о втором, или каком-то там по счету, параграфе программы «Ковчег»?

– Э... Насчет чего речь? – В действительности Буш Пятый сразу понял, что имеется в виду, однако хороший политик редко сходу выкладывает все карты на стол. Впрочем, как и хороший боксер на ринге.

– Вначале, как я знаю, выигрывается маленькая победоносная война. То, что у нас то ли получилось, то ли нет, я до сей поры не понял...

– Я тоже вообще-то.

– Потом, все страны-конкуренты отрезаются от «трубы».

Но ведь на этом режим экономии не заканчивается, правильно? И тогда идут пункты по наведению порядка здесь, в Северной Америке. Вот я и думаю. Не знаю, по чьей там указке действуют эти «черные» и «латиносы», но, в некотором случае, нам сие должно быть все равно. У нас хороший повод прижать их к ногтю и даже более того...

– Ну, договаривай, договаривай, Миллард.

– Прямо скажем, подсократить их количество. Ведь вы прекрасно ведаете, что последние десятилетия они плодились гораздо более интенсивно, чем белые. Мы с вами теперь входим в меньшинство. Кстати, это касается и проблемы перевыборов на второй срок.

– Миллард, честно тебе скажу, сейчас последнее стало меня весьма мало беспокоить. Слишком много волнений доставляют другие поводы. Дотянуть бы этот срок.

– Ну а касательно основной темы разговора, господин президент?

– Предлагаешь развязать руки армии?

– Тут развязыванием не обойдется. Здесь нужны прямые указания.

– Господин Ладлоу, я лично таких указаний давать не буду. Но мысль может быть и дельная. Благодарствую. Что ж, посоветуемся с нашими спецами. Прикинем. А насчет развязывания рук... Видишь, Миллард, наш министр обороны хочет пока ограничиться Национальной гвардией. Толку от нее в таком деле, думаю, немного. Но пусть поломают зубы. И

пусть обожжется. И если исходить из плана «Ковчег», то, конечно, надо использовать повод. Придется, разумеется, переставить между собой какие-то подпункты. Что ж, бывает. Подумаешь, вначале наведем порядок в стране, а уже потом в мире. Кстати, тогда нас там начнут лучше понимать, в нужном нам ракурсе. И оправдание! Не эгоизм какой-то американский, а обстоятельства довели. Случается, куда денешься. Так вот, если исходить из такого плана, тогда пусть беспорядок на юге растет, пусть эти «южане» подумают, что взяли быка за рога, так что ли?

– Да, господин президент. И тогда пусть там, на юге, вообще творится черт знает что. Потом натравим прессу, покажем крупным планом какие-нибудь зверства «черных». Я думаю, если покопать, такие найдутся. И когда после откатившейся гвардии за дело возьмутся военные профи, дело пойдет как надо.

– Мысли читаешь, господин советник по национальной безопасности. Однако это все покуда чистая теория. В действительности все эти процессы на юге не по плану, ой как не по плану.

– Согласен с вами полностью, господин президент.

– Это хорошо, что согласен. В общем, мило мы с тобой побеседовали.

Обработка сырья

И может быть, по умно продуманным размышлениям и не надо радоваться пересечениям жизни с сослуживцами в специфических условиях тюрьмы, но ведь не в твоих возможностях уклониться от действия. Да и не радоваться тоже не в твоей воле. Ведь приятно, по сути, уже от того, что твои бывшие подчиненные и соратники просто-напросто живы. Конечно, неизвестно, что и как там впереди; судя по происходящей вокруг преднамеренности, ничего особо хорошего не предвидится. Разве что смена декораций – переезд из одной тюрьмы в другую? Ну и кто знает, вдруг к пенсионному возрасту тебя, за доблестное многолетнее сотрудничество в разоблачении геополитических планов Москвитии, решат выпустить на волю и даже узаконят твое пребывание в раскинутом вокруг штате Луизиана? Ничто не исключено. Тем более тот следователь, что играет роль «добротого», усиленно намекает на подобные перспективы.

– Вы же специалист, господин Минаков, правильно? Специалист по ведению войны. Почему бы вам не подумать о служении настоящей демократии, а не азиатскому тоталитаризму? Я, конечно, не команду штурмовой ротой – мы тут, как видите, заняты более специфической службой, – но ду-

маю, в связи с последними общемировыми событиями, нашей армии наверняка требуются люди, подобные вам. Платят там не меньше, чем вы получали от своих африканских хозяев. Ну а о ваших русских начальниках и говорить не стоит. Ведь они пальцем не пошевелили, дабы вас выручить. Да, скажу вам по секрету, это они же вас и подставили. Продали.

Ясно, что «добрый» дознаватель врет, причем не слишком умело. Но ведь не просто так. Наверняка это только часть большого плана психообработки. Предусмотренное загодя «покалывание» каких-то узлов в нашем большом, выращенном природой мозге. Дабы потом, через еще сколько-то глубоко либо мелко колющих шагов, сломать какую-то очередную пружину сопротивления. А главное, когда с тобой вот так «по-доброму», после спецлампы в глаза, разговаривают, начинает подмывать спросить что-нибудь действительно нужное. Не им, тебе самому для личного потребления. Вот, например, где находится Лиза Королева? Ведь большинство из попавшихся тогда в ловушку плена ты уже встречал, знаешь, что живы, а вот ее или же кого-то, кто видел ее...

Вдруг вот прямо сейчас возьмут да ответят. Но ведь спрашивать такое ни в коем случае нельзя. Это дополнительная шпора для давления на тебя. И вполне может быть, на нее тоже. Ведь исходя из обычной логики, ясно, что ни ее, ни ее подруг никто на волю не отпустил. Очень может быть, что Лиза содержится в этой же тюрьме. Хотя так же вероятно, что где-нибудь в еще более специализированном заведении.

Именно это предположение больше похоже на правду, ибо многих сослуживцев Герман Минаков с того времени наблюдал, со многими обнимался, а вот с кем-либо из ударной команды хакеров так и не свиделся. А что мешало местным следователям-экспериментаторам обеспечить подобное пересечение? Вдруг снова всплыли бы какие-то экзотические нюансы общения? Ведь, например, увиделся же Минаков с малознакомым, но хорошо запоминающимся из-за богатырской фигуры подводником Румянцевым. Ясно, что наблюдателям та встреча в общей камере мало что дала, если только не подтверждение их малой привязанности друг к другу. Но ведь пересечение их жизненных нитей все-таки организовали, так?

И значит, остаешься ты в неведении не только в отношении своей собственной судьбы, но даже теперешнего жития Елизаветы Королевой.

8

Удар по окрестностям

Большую многонациональную страну главное качнуть, а уж потом она затрясется сама собой; вниз сыпанет блестящий ворох посуды – вроде аккуратно натертые полотенцем и устойчивые фарфорово-предсказуемые судьбы. Они будут биться в клочья, разваливаться вывернутой напоказ калейдоскопной мишурой, а сверху будут обрываться новые и новые ярусы.

Коммандер Рекс Петтит зашел на бесплатную охраняемую стоянку для служебного пользования. Завел заждавшийся хозяина «Опель» – воспоминание о еще совсем недавно исправно функционирующих международных связях – и въехал в город. Он не любил встреч с семьей на берегу; всегда возвращался домой один. Он делал все по порядку, знакомился с приятным по нарастающей. Вначале родной «Опель». Затем город: тормозящая воспоминания, досаждающая другим суета забитых пробками улиц, навязчивая заботливость дистанционно глушащих зажигание световых фар; щекочущая ноздри запыленность воздуха – вот когда ощущаешь прелесть выбранной профессии. Обычно, возвращаясь после рейса, он не сразу рулил к удобному, оплаченному Министерством обороны домику – делал крюк за

покупками. Он ведь не был капитаном торгового судна, могущим посетить хоть и не выбранные по желанию, но все же чужеродные порты. Естественно, близкие это понимали: никто не заказывал «аленький цветочек». Но подсознательно – ведь он все-таки наматывал на винты целую гамму широт и долгот – они ждали от него хоть чего-нибудь. Эдакое завуалированное «принеси то, не знаю что». Теперь, словно для разнообразия, он ставил свой не подводящий и умеющий хранить тайну «Опель» на платную стоянку, поближе к рынку, и отправлялся в следующий раунд возобновляемого знакомства с городом – движение пешком. Качающаяся, отвыкшая от земли походка наверняка выдавала его профессию. Кто-то из наблюдательных продавцов делал правильные выводы: шел ва-банк – вздергивал цены. Обычно срабатывало.

Китель командер Петтит не носил: по давно принятым и по большому счету дискриминирующим военных законам, появляться в общественном месте в форме считалось нетактичным. Видите ли, этим, а также вывешенными напоказ медалями военнослужащий как бы ставил себя выше окружающих, а значит, ущемлял их достоинство и гражданские права. Окружающие могли почувствовать себя дискомфортно. Надевать форму в пределах города мог только полицейский, да и то находясь при исполнении служебных обязанностей.

Так вот, пройдясь по рынку – именно по рынку, а не по супермаркету, ибо только там имелась теоретически допустимая возможность купить нечто нестандартное, – коман-

дер Рекс Петтит возвращался в свой «Опель». Здесь он внимательно осматривал покупки, на предмет обрывания ценников, лейблов и прочих демаскирующих мероприятия меток. Ликвидировал их, если таковые имелись. Теперь подарки для каждого из членов семьи наличествовали. Вот только после этого он разворачивал шины домой.

Он никогда не звонил. Мобильная связь в 2030-м была делом привычным и доступным по цене почти всем. Однако во время рейса делать это было нельзя, в связи с недопущением выбалтывания военных секретов, в том числе и о местоположении судна, ну а если бы он выдал себя во время поездки по городу, то разоблачил бы свой маленький всегдашний секрет. Может быть, домашние о нем догадывались и несколько подыгрывали? Кто знает. Однако всегда создавалось ощущение, что к дому он подкатывал неожиданно.

Обработка сырья

Но однажды, в один очень теплый, погожий денек мир уже привычной безысходности внезапно раздувает пары и как-то очень уж быстро укатывает прочь – даже не верится. Хотя вполне может случиться, что происходит такое во вполне обыденную, приевшуюся другим погоду, ибо проверить по ощущениям невозможно: жизнь в замкнутом помещении обладает своими минусами. Так вот, в этот теплый денек ты вначале замечаешь признаки чего-то нового. Но если по чести, то сильно не настораживаешься; ты так влился в местный специфически пакостный колорит, ты так сильно погряз, выше коленей, по горло, в мерзостности настоящего, что пользуешься моментом рассосать его приторность по делу. Например, вздремнуть. Пусть не полагается лежать – нет охоты бодриться от электрифицированной дубинки, – но ведь можно и сидя. Даже стоя. Списывать, списывать к чертям это прокисшее никуда не ведущее время. И ведь нет никакого желания даже раздумывать о том, почему и что. В плане того, почему не дергают на допрос? Почему не выпускают на прогулку? Почему, в конце концов, еще до сей поры не кормили? И кстати, узнать, до какой, собственно, поры, до какого часа конкретно невозможно. Дополнительный

фактор воздействия на человека двадцать первого века – лишение часов.

И таким вот, с неизвестной погодой и смутно определенными временем суток, деньком привычный поезд замешанной на отчаянии скуки внезапно растворяется в прошлом. Ибо у этого законсервированного мира вокруг неожиданно обнаруживается будущее. И вначале оно, как водится, заявляет о себе каким-то неясным бормотанием за дверями, каким-то топтанием на пороге. Все не решается, мямлит за дверью, боясь потревожить замороженное настоящее. Потом что-то там гремит, тарахтит. И ясно, не ключи – местные на магнитной памяти – полная бесшумность срабатывания – никто не слышит, разве что какой-нибудь электрочувствительный морской скат. А может, это и не грохот – заглушенные стенами выстрелы или даже пальба орудий? В конце концов, почему не первое? Во всех административных единицах Соединенных Штатов мораторий на смертную казнь давным-давно отменен. Вдруг производящие дознание психологи-антропологи пришли к выводу о том, что заморские пленники помогли следствию насколько возможно и теперь в их услугах никто не нуждается? Вот и идет пальба по недвижимым, пристегнутым наручниками мишеням.

Однако не очень верится. Пусть тут местами и Средневековые, но дубинки все-таки с электрическим шпунтиком, как в читанной когда-то в детстве, а явившейся из совершенной уже древности книжки «Незнайка на Луне». Так что как-то

уж больно примитивно – ружья на изготовку, да еще на заднем дворе. Ходят телевизионные слухи, будто даже в родной, но прошлого века, Москве такое делалось в катакомбах Лубянской площади.

Потом все эти дремотные видения соскучившегося по новизне мозга наконец-то теснятся прочь протиснувшимся в настоящее будущее. Это будущее имеет достаточно странный, но вовсе не экзотический для данного региона вид.

Возле вскрытой камеры Германа Минакова стоят, переминаясь с ноги на ногу, пятнадцать вооруженных негров. Все они улыбаются. Вообще-то это вполне может предвещать что-то не слишком хорошее.

Нужно обладать очень нестандартным воображением, дабы разглядеть в такой картине наступившее будущее.

Удар по окрестностям

В эпоху всеобщей деградации нравов и противоестественной морали (правда, СМИ утверждали, что это и есть естественное состояние) командер Рекс Петтит имел настоящую семью. Жена – одна, детей – двое. Совсем не наоборот. Опять же жена была только на пять лет моложе, а не на тридцать. К тому же разного с самим Рексом Петтитом пола. И все еще первая. А вот дочь тринадцатилетняя. Во время вахты, в отвлеченных от службы раздумьях, командеру было о чем поволноваться. Сын маленький – всего пять. Так что тоже повод для тревог, но не по поводу нравственности и деструктивных факторов школы и улицы, а с точки зрения агрессивности опасных для детей микробов.

Сегодня Рекс Петтит нарушил свою традицию. Вести о происходящем в стране кавардаке докатились даже до его корабля. Правда, пока только через стереозэкран. Заполненный китайцами рынок, может, и функционировал, но слишком хотелось узнать, что там с семьей. Пробок в этот день было меньше, впрочем, как и машин, а кроме того, в некоторых местах блокирующие зажигание на «красный» светофоры оказались отключены. Может, и зря. Никак нельзя было не заметить, как некоторые машины шустрят напрямую

по тротуарам. Это было из рук вон, и черт знает, где дрыхли дорожные полицейские. А в одном месте командер наблюдал драку. И не какую-то мелкую потасовку. Кое-кто из участников орудовал стальными прутами; бились стекла витрин.

Рекс Петтит не в шутку удивился. Он нарушил свои правила и всегдашнее инкогнито – позвонил домой. Никто не отозвался. Ну что же, жена могла убыть за покупками: в условиях наблюдаемого вокруг хаоса стоило набить холодильник до отказа. Благодаря незабвенному министерству и его заботе о достойном вознаграждении за выслугу лет и прочее, семья, в отличие от многих, могла позволить себе иметь две машины. Как рассказывают старожилы, в давние «золотые» времена восьмидесятых-девяностых это считалось нормой, так жила вся Америка. При звонке на «мобильник» тоже никто не отозвался. Он набрал номер дочки, точнее ввел имеющийся в памяти телефона код. Эффект снова оказался нулевым. Похоже, сегодня плохо работали не только полицейские. Может, параллельно всему проводится массовая забастовка работников связи? Такую «мелочь» вполне могли не упомянуть в новостях, ведь здесь не имелось пикантных подробностей половой жизни сенатора с любимой собакой колли или чего-то сходного.

Неплохо было бы прозвонить кому-нибудь из знакомых для полного подтверждения гипотезы. Однако командер Рекс Петтит почему-то не стал этого делать. Он прибавил

скорость. Его на две трети оплачиваемый флотом дом находился ближе к окраине.

Родственники

– Ты, Герман Мина... Минак..? – спросило его тогда одно из улыбающихся черных лиц.

– Да, я Минаков, – согласился Герман, раздумывая, что будет дальше. Ибо если бы на пятнадцати неграх наличествовали полицейские регалии, все бы не так уж сильно отклонялось от привычности, а тут... Может, они все разом из какого-нибудь ФБР? И вся их цветастая одежда просто маскировка?

– Вот и хорошо! – сказала неизвестное черное лицо, улыбаясь еще шире. – А я Великий Бенин.

– Что? – автоматически переспросил Герман.

– Великий Бенин – имя такое, – пояснило темно-фиолетовое лицо, продолжая все так же цвести.

– А, имя такое, – понял несколько сбитый с толку Минаков, все еще продолжая подозревать себя в не слишком достаточном знании английского. Может, какие-то нюансы американского диалекта?

– А это Дикси Чад, – улыбающееся лицо указало на другое такое же. – А это Джозеф Конго. А это...

И оно перечислило очень много названий всяких существующих ныне, а также давно развалившихся стран Черно-

го континента Африка.

Я в сумасшедшем доме, констатировал Герман Минаков, но не стал докладывать об этом вслух. Когда представление (в прямом и переносном смысле) закончилось, он тоже стал улыбаться. Было от чего. Особое впечатление произвел на него Петр Замбия. И понятное дело, не лицом – Герман даже не выделил его среди единообразных.

Много после Минаков скептически отнесется к своему тогдашнему удивлению. Ибо однажды к нему обратится с просьбой солдат из соседнего «племени».

– Мой друг и брат, – скажет ему молодой черный парнишка восемнадцати-двадцати лет от роду, – не позволишь ли ты и мне принять фамилию Минаков? Я обещаю не запятнать твое имя грязью, а только прославить его пролитой кровью врагов.

– Не подведешь, брат? – уточнит тогда на всякий случай Герман.

– Не сомневайся, соплеменник. Кровь бледной погани будет литься ведрами.

– Ну что ж, пускай, – пожмет плечами бывший африканский командос Минаков. – А как теперь будет звучать твое полное имя?

– Последнее время я звался Самьюэл Гана, а теперь...

– Наверное, Самьюэл Минаков? – прикинет Герман.

– Нет, Самьюэл я звался уже долго, – пояснит «соплеменник». – Теперь буду зваться Гана Минаков. Ведь Гана – это

хорошая маленькая страна, правильно. И кроме того, по первой букве оно похоже на твое имя, брат Герман.

– Ага, – кивнет тогда Минаков, более не обладающий эксклюзивной для Северной Америки фамилией.

Но этот случай находился покуда в неизвестности будущего, и значит, пока можно было преспокойно дивиться небывалому настоящему.

– Все мы братья, – поведал ему тогда улыбающийся Великий Бенин.

– Настоящие? – искренне не поверил русский человек Минаков. Он уже не был убежден, что отдельные негритянки не способны рожать до пятнадцати детей в пару-тройку заходов.

– Да, мы настоящие братья, – кивнул ему Великий Бенин. – И ты тоже можешь стать нашим братом.

И тогда Минаков счел за должное некоторое время помолчать.

Удар по окрестностям

Ему повезло, что он не обнаружил сына.

Зато неладное он почувствовал сразу. Да и как было не почувствовать? Весь его район преобразился. По дорожкам, навстречу и поперек, мигрировали по ветру рваные, редкие ныне одноразовые пакеты. У нескольких домов были выбиты стекла, а в одном месте валялась изрядно покореженная металлическая дверь. Мусор наличествовал везде. Было кое-что и похуже, но на пути к цели он такое не заметил: может быть, психика не подготовилась воспринять. Это были два застреленных человека. Они лежали чуть в стороне, на захламленном бетоне, и возможно, только с возвратного хода, с нового ракурса, их получалось засечь случайно.

Возле дома он понял, что здесь уже кто-то побывал. Сердце екнуло, и вспучился в голове пузырь догадки о причине отказа телефонов. Он пожалел о сданном на хранение вахтенному пистолете. Оттягивающая пояс пятнадцатизарядная «беретта» могла бы сейчас добавить уверенности. Однако тут было не время и не место переживать за себя. Перед взрослым, опытным человеком всегда маячат подводные рифы куда более страшных вещей. Он прошел по усыпанной стеклом дорожке без всякой дрожи в коленках. Только в че-

репе заматались в мерцании ужасы и надежды. Последние проиграли, когда он тронул расстрелянный автоматной очередью входной запор.

Он нашел жену, а потом и дочь. Каждую в собственной спальне. Обе были изнасилованы и с многочисленными кровоподтеками. Пульс не прощупывался.

Он хотел вызвать полицию. В некоем трансе, забыв о карманном «мобильнике», шарил в зале в поисках домашнего телефона. Обнаружил сплюсненные, нефункционирующие обломки. Вспомнил о карманном. Но затраченные секунды не прошли зря – где-то внутри все еще по странности невыключившегося мозга произошло некое переключение. Он еще не принял решение, но уже знал, что выработанные цивилизацией рефлексy устарели. Он дал отбой еще до того, как далекий полицейский компьютер зафиксировал вызов.

С большим усилием удалось оторвать от отлитого моноблоком стола ножку-основание. Стоило ли теперь беречь мебель? С этим смешным оружием он еще раз обошел дом, надеясь разыскать хоть кого-нибудь, пригодного для убийства. Напрасный круиз. Подонки давно покинули жилище и укатили куда-то к новым захватывающим соблазнам. Возможно, на второй семейной машине – «Опель-Медуза».

Хотелось пить; водопровод, назло всему, функционировал, но в ванне наличествовали следы смываемой крови, и пить или даже умыться не получилось. Он вернулся в комнаты, прошел по спальням, ожидая чуда. Механически заста-

вил себя снова искать пульс давно окоченевших рук. (Нормальный офицер обязан уметь оказывать первую помощь, в ином случае он, рано или поздно, будет клясть себя за подурачки умершего рядом товарища.) Снова не нашел. Наконец догадался накрыть тела покрывалами. Вернулся в зал. Это было солидных размеров помещение, искусственно разделенное мебелью на несколько разноплановых ареалов. Те, кто отстрелил входной замок, навели в комнате порядочный бардак. Странно, что, покидая эти места, они не подожгли дом. Ведь здесь, видимо, полным-полно всяческих отпечатков – улады криминалистов. Неужели преступники действуют теперь с такой наглостью?

В углу стоял включенный в сеть компьютер: совсем небольшой ящик с виртуально создаваемым экраном. Стандартная машина, сочетающая в себе кучу развлекательных приборов. Снова непонятно, почему не разбит вдребезги? Ведь в одной из функций он умеет фиксировать происходящее вокруг. Рекс Петтит тронул мизерные сенсоры и замер в предчувствии.

Все было действительно так. Прибор отснял все. Только это совершилось не случайно. Брошенной тут же беспроводной камерой-приставкой ворвавшиеся в дом подонки запечатлели все, что происходило. Да, разумеется, то был не художественный фильм и даже не хорошо сделанный документальный. Но командер Рекс Петтит не мог стать объективным оценщиком, к тому же он не сумел просмотреть и пары

минут. Это было слишком страшно.

Он сделал перестройку на окончание записи. Включил и заставил себя не жмуриться. Здесь в последних секундах фильма уже не присутствовало жертв, здесь были довольные лица осатаневшей сволочи.

– Салют, морячок! – сказали ему с экрана. (Откуда они могли знать, кто он? Ведали загодя или пытали у жертв?) – Думаем, фильм – класс! Скучать тебе не пришлось. А уж нам разумеется. Привет тебе от мальчиков с Сан-Бернардино.

И долгие-долгие хихиканья. И смеющиеся рожи. До самого момента, когда виртуальный экран свернулся.

Рекс Петтит вскочил, желая разбить глупую технику вдребезги. Он уже протянул руку за отложенной палкой. Но тут родившееся подспудно решение схватило его за кисть.

Он заморозил порыв. Аккуратно отпустил ножку стола. Сидел некоторое время. Потом, действуя словно заводной робот, нашел брошенный в холле портфель и сложил туда компьютер.

Это стало единственной вещью, прихваченной им из собственного дома.

Родственники

Вот так Минаков, в силу российского демографического кризиса начала века, не имеющий братьев и сестер, внезапно обрел целую кучу братьев. Причем чем дальше, тем больше. Ибо этим солнечным деньком две тысячи тридцатого года он и все остальные заключенные военной тюрьмы города Батон-Руж внезапно были освобождены «племенем» Черные Дети Саванны – военизированной группировкой, включающей в свои ряды две тысячи «братьев».

Оказывается, в Соединенных Штатах всю шла настоящая гражданская война. Вот как изменился мир, покуда бывшие африканские коммандос отсиживались на допросах. Рассказывают – именно рассказывают, а не передают в новостях, – война имеет ярко выраженный расовый характер. Кроме того, как во всякой приличной войне, льются моря крови, число жертв измеряется тысячами, а может, и десятками тысяч. В том, что война имеет расовую направленность, Герман убедился сразу по вскрытии камеры «братьями». А вот в том, что она имеет кровавый оттенок, уже гораздо позже. Ну а вначале, начав чуть-чуть разбираться в ситуации, он даже спросил:

– А скажи мне, брат Великий Бенин, что вы сделали с

охраной этого заведения, в смысле тюрьмы?

– Брат мой Герман Мина-а... Извини, не могу пока хорошо выговаривать твоё славное имя. Мы их всех отпустили, предоставив транспорт для всех работников. И даже дали им два часа на сборы вещичек и семей. Разумеется, бледнолицым. Нашим черным родственникам мы предложили присоединиться к нам.

– Ага... – кивнул Минаков, размышляя о том, что сам он тоже несколько бледнолицый. – И они согласились, брат Бенин?

– Мой брат Герман, за несколько поколений белая раса этого континента потеряла силу к жизни. От этого все белые стали очень законопослушны и похожи на стадо. Единственное, во что они верят, так в этот самый закон, всегда доселе защищающий их привилегии. Сейчас здесь нет закона. Как ты понимаешь, брат Герман, их закона. И потому они уходят. А может, они надеются, что сюда снова придет много-много их белых братьев полицейских и с ними их закон. Но здесь они ошибаются. У них нет силы, брат Герман. Их жизненная сила умерла насовсем. Смотри, как много их тут было. Охранники с оружием, с пулеметами и прочим. Смотри, какие здесь толстые стены. Дотронься!

– Да я уж натрогался, брат Великий Бенин, покуда здесь загорал. Так что воздержусь.

– Представь, сколько братьев нам бы пришлось положить, если б брать эту цитадель приступом. Ведь у нас даже нет

пушек, брат Герман Миннак...

– Не мучайся, брат Великий Бенин, потом научишься выговаривать эту фамилию. Говори дальше.

– И вот, имея такие преимущества, они ушли. Ну не слабаки ли? Мы тут даже обнаружили бронированные машины. Теперь они будут наши, брат Герман. Представляешь?

– Нет, брат Бенин.

– Они оставили живыми вас. Да и вообще всех заключенных (ну да не о них речь). А ведь мы шли вас освобождать, правильно?

– Ну да.

– Если бы они вас ликвидировали, то лишили бы наш штурм смысла.

– Наверное, – согласился Герман Минаков, ибо действительно оценил ситуацию с точки зрения войны.

– И вот они ушли, брат Герман, а наши силы удесятились?

– Не понял, брат Бенин. Вы освободили восемь тысяч негров... Извини, афроамериканцев?

– Не извиняйся, брат. Именно последнее слово теперь отменяется. Мы снова возвращаем в употребление слово «негр». Но теперь мы будет так называться с высоко поднятой головой, – пояснил Великий Бенин. – И конечно, мы не освободили восемь тысяч негров. Среди местных заключенных наших было только две трети, а это тысяча двести человек. Но ведь все это солдаты бывшей армии США, правиль-

но? Они умеют сражаться.

– Да, – кивнул Минаков, про себя вспоминая, имеется ли в американском военном законодательстве статья, озаглавленная «Дезертирство».

– А главное, мы освободили вас, брат Герман. Уж вы-то точно умеете сражаться. Мы знаем. И неужели наши силы не возросли вдесятеро? Ведь вы же присоединитесь к нам?

– В смысле?

– Но ведь ваш отряд – настоящие легендарные герои. Шаманы войны. Вы ведь бились за свободу и жизнь наших братьев прямо в сердце исторической родины всех негров. Правильно?

– Ах, это.

– Не скромничай, брат Герман. Не скромничай. Мы знаем ваши подвиги. И слышали о пытках, которым вас подвергали белые палачи здесь. Думаю, вы не выдали им никаких секретов, правильно?

«Я тоже надеюсь», – согласился Герман, но не высказал фразы вслух.

Удар по окрестностям

Все-таки ему повезло, он так и не обнаружил пятилетнего сына. Это бы однозначно переполнило чашу.

Сын лежал под умывальником в кухне. Прячась, он забился туда, за трубную развилку. Забился так, что его не сумели сразу выдернуть наружу. И тогда просто несколько раз ткнули туда хранящимся рядом кухонным ножом. Самым большим из набора. Камера в те минуты задействовалась в других, более пикантных зарисовочках, так что зафиксировать совершенное походя убийство не получилось.

Родственники

– Ну что, герои борьбы за освобождение негров, готовы сражаться за новых хозяев? – спросил свой бывший отряд лейтенант Минаков.

– Слава богу, Герман Всеволодович, местные братья не ведают о наших настоящих подвигах, – отозвался Кисленко.

– Тише ты, дурак, – цыкнул на него Кошкарёв. – Не дай божок, узнают ненароком.

– Он прав, ты бы помолчал, Захар, – подтвердил Минаков почти шепотом. – Верят они, что мы там с самого начала бились только с североамериканским империализмом, ну и пусть верят. Правильно? Так все-таки, как насчет дальнейшей службы? Нам предлагают поучаствовать в развале Америки.

– Они считают, что это не развал, а начало новой жизни, командир, – прокомментировал техник Кошкарёв.

– Все так поначалу считают, Феликс Маркович, – глубокомысленно констатировал Герман.

– Процесс создания нового свободного государства на основе части большой, неправильно сделанной империи, – продлил мысль Кошкарёв.

– И к тому же этнически чистой, да?

– Не совсем так, Герман Всеволодович. В новых Свободных Штатах Америки можно будет запросто проживать лицам, имеющим мексиканские корни.

– Еще бы нет, – развеселился Кисленко. – Как же их выселить? Мало того что они вместе делают эту самую революцию, так еще «латиносов» здесь видимо-невидимо. Совсем не то, что белых. А вы как думаете, товарищ лейтенант, передерутся они между собой или как? Ведь некоторые хотят основать не новые США, а САШЧ – Свободные Американские Штаты Черных, правильно?

– Ну, я не футуролог, Захар Осипович. Если передерутся в ближайшее время, то обеим этим расам конец. В смысле, в их войне с Севером.

– Думаете, белые их все-таки замочат?

– А ты сам как думаешь?

– Пока я соглашаюсь с нашими новыми братьями, – хмыкнул Кисленко. – У местных белых действительно отсутствует воля к жизни. Сдаются, бросают территорию и добро за так.

– А мне кажется, все просто еще не развернулось на полную катушку, – высказался Миша Гитуляр. – Американцы слишком рассеяли свою армию. Им пора бросать Африку и кидать войска сюда.

– Ты за них сильно переживаешь, Миша? – поинтересовался Кошкарев. – Может, еще поможешь им?

– И опять же, по этой же теме, но с другого конца, – перебил Минаков. – Я уже сказал, нам предлагают присоеди-

ниться к нашим, так сказать, «братьям» в их борьбе с засильем бледнолицых. Что будем делать?

– А у нас есть альтернатива, командир? – спросил Кисленко уже без всяких улыбочек.

– Прямо брат Великий Бенин ничего мне не говорил, но, по-моему, несложно прикинуть возможности. Мы, конечно, люди русские и вроде здесь абсолютно ни при чем, однако мы ведь все несколько бледнолицые, так? Вот и делайте выводы. Как все знают, далеко не всех европейцев они просто так выпускают прочь. Не стоит плодить ряды врагов, как выразился один из их знаменитых братьев.

– К тому же, что нам там делать в северных штатах? Нас ведь снова упекут в тюрьму, – выдал свой комментарий бывший отрядный компьютерщик Гитуляр.

– Вот именно, для прерванной процедуры дознания, – кивнул Минаков.

– Правильная мысль, – согласились остальные.

– И значит? – снова уточнил Герман.

– Ну, воевать – не воевать, там видно будет, – предложил Кошкарев. – Зато нас снабдят оружием, а это уже кое-что, верно?

И вопрос был решен единогласно. Похоже, за время нахождения в тюрьме все солдаты отряда стали ярыми приверженцами демократии.

Удар по окрестностям

– Ты чего вернулся? – спросил его вахтенный офицер Пег Идипус.

– Мои убыли к маме в Медфорд. С сегодняшними перекрытыми дорогами мне туда не добраться. И чего мне тут, дома, одному сидеть?

– Ну, жена в отъезде – это ж вообще-то...

– Не настроен, – вяло ответил командер Рекс Петтит и прошел к себе.

– Да, – обернулся он к вахтенному. – По пустякам меня не дергать. Считаю, меня на корабле нет. Хочу кое-что обдумать насчет будущего похода.

Взаимное обращение подчиненных к начальнику и обратное, на «ты», вовсе не считалось фамильярностью. Когда-то такое привилось в гражданских фирмах. Теперь демократический заряд девяностых годов прошлого века хоть и с претельным опозданием, но докатился до армейско-флотской среды.

Подойдя к своей каюте, командер Рекс Петтит распечатал заблокированное личным кодом запорное устройство. Он вошел и сел на заправленную койку. Здесь он выпал из времени приблизительно на пять минут. Он все еще успеш-

но блокировал ненужные мысли. Вообще-то можно было бы подняться, получить родимую «беретту» и, вернувшись сюда же, произвести полное и окончательное отключение мозга, стереть выплывающие изнутри картины увиденного. Но ведь такое можно было сделать и раньше – в процессе вождения машины. Хотя, вполне может случиться, с меньшей результативностью: фирма «Опель» изобретала слишком много всяких предохраняющих от травматизма устройств. Было бы полным идиотизмом в течение часа-двух (вряд ли в нынешнем хаосе полиция явилась бы раньше) лежать в смятом автомобильном корпусе зажатым выпрыгнувшими отовсюду надувными спасательными подушками.

Итак, пятнадцатизарядная «беретта» имела явно повышенную надежность. Но разве для этого он прибыл на борт? Вот так валяться в коечке?

У него было очень много работы. Кстати, «беретту» все-таки тоже стоило получить. Она могла пригодиться. Да и повод имелся – в раскинутом вокруг городе было очень неспокойно.

Родственники

– По большому счету, я не думаю, что наш когдатошний штаб – Новый Центр Возрождения – был бы не сильно против нашего участия в этой заварушке, – рассуждал вслух Герман Минаков. – И уж понятно, что он бы поддержал выбор стороны. Ведь по сути, уже в африканской компании мы сражались с Америкой, так? То, что действия случайным образом перенеслись сюда, в метрополию, усиливает позиции антиамериканских сил.

– Я даже предполагаю, что вся эта кутерьма произошла не без планирования Центра, – серьезно кивал отрядный компьютерщик Миша Гитуляр. – Вы не согласны?

– Если и так, нам никогда не узнать точно, – пожимал плечами Герман. – Развязывание революций – дело темное. Наверняка здесь пересеклась куча разнополярных векторов. А может, все и правда завертелось само собой. Лопнул какой-то давно назревающий гнойник, ну а потом спонтанным случаем воспользовались кто ни попадя, в том числе и Новый Центр. А на счет выбора стороны ты наверняка прав, Миша. Центр бы наверняка принял сторону Юга. Не знаю, как потенциально, но сейчас он пока еще явно слабее Севера. Хотя, разумеется, побеждает. Может, тут сила в стихий-

ности процесса, как думаешь?

– Да, мне кажется, Северу все-таки кто-то очень мешает изнутри. Он никак не развернется для настоящего удара. Может, и наш дорогой Центр задействован в деле. Ведь, по сути, мы с вами, Герман Всеволодович, видели, как воюют эти наши братья. Нормальная мотопехотная дивизия разматала бы этих освободителей в клочки. Вы согласны?

– Наверняка так, Миша. Но может, у «амеров» больше нет нормальных дивизий? Все разложились из-за расовых неурядиц?

– Дай бог, что так, товарищ лейтенант. Не хотелось бы наблюдать, как все эти оборонительные интерпретации негров разнесутся в щепы.

– Вообще-то мы с тобой ведаем, что использование «сучопутчиков» для Штатов крайний случай. Обычно они всё и вся разносят с воздуха.

– А уж такого тем более не хотелось бы.

Вот такие примерно разговоры происходили в новом «бледнолицем» отряде «братьев» «племени» Черных Детей Сатаны. Сейчас все «племя» занималось важной работой по присоединению к Свободным Штатам Америки административного центра штата Миссисипи – города Джэксон. Хаос охватывал все новые территории.

– Чем ваша группа занималась ранее? – спросил «брата» Минакова «брат» Бенин, как ни странно, не до, а после того, как выдал «бледнолицему» отряду оружие.

– Ну всяко чем, – напустил туману Герман. Однако ему очень не хотелось, чтобы из группы сделали какой-нибудь карательный взвод, и потому он досочинил: – Наблюдением за противником, выявлением целей и так далее.

– Значит, боевой разведкой, да? – почему-то обрадовался Великий Бенин. – Это очень и очень кстати. Вы ведь белые, правильно?

– Естественно, – легко согласился с очевидностью Минаков.

– Потому вас очень удобно использовать в разведывательных целях.

Попадем в самое пекло, прикинул «брат» Герман.

– Однако в нашем племени, к сожалению, не все вам полностью доверяют. Потому пока отправить вас в разведку не в моей власти. Но надеюсь, такое время придет скоро. Ты ведь тоже так думаешь, брат Минаков?

– Уверен, – не моргнув глазом соврал «бледнолицый брат».

– Ты и твои братья видели, что мы вооружили вас лучшим из имеющегося, так?

– Вообще-то извини за правду, брат Бенин, но наша экипировка все-таки не последнее слово техники, – высказался Минаков. – Мой отряд умеет работать с куда более совершенной оснасткой, уж поверь, брат Великий Бенин.

– Верю, брат Минаков. Верю. И обещаю, как только мы захватим что-нибудь стоящее, мы вас снабдим.

– Неплохо бы иметь «панцири». Я имею в виду роботизированные костюмы тяжелой пехоты.

– Уж это, если попадется, ваше однозначно, брат Герман. Видишь ли, никто в нашем племени не умеет управлять такой штуковиной, как «панцирь». Так что не волнуйся, как только, так сразу, – «брат» Бенин почему-то сиял. – И более того, зная, как ты со своими людьми рвешься в бой, дабы отплатить своим мучителям, я на совете племени настоял, чтобы вас послали сражаться как можно быстрее.

«Спасибо, „отец родной“, – хотел сказать по такому поводу Герман, но воздержался.

Удар по окрестностям

По привычке и традиции корабли такого типа все еще назывались эскадренными миноносцами. Естественно, они давно перестали быть таковыми – борьба с враждебными кораблями и даже подводными лодками значилась их побочной функцией. Понятно, экипажи по-прежнему относились к этим задачам серьезно. На учениях по отработке выслеживания и уничтожения плавающего противника матросы и офицеры потели по-настоящему. Однако если сравнить этиловый эквивалент находящихся на борту боеприпасов, назначенных для пользования в море, с тем, что значился для применения против суши, – проигрыш первых был налицо. Безусловно, очень грамотные могли бы вспомнить о ядерных зарядах, ибо действительно таковые на борту наличествовали. Но ведь и здесь тоже предписанные материкам подарки обгоняли назначенные морю, так? Что там в этой, выстреливаемой ракетой, глубинной бомбе в максимуме? Десять килотонн? Ерунда, семечки. Любой «томагавк» запросто тащил двести. Тем не менее, хоть на Земле кое-где уже взрывались атомные бомбы, их использование все ж таки не встало на конвейерный запуск, так что в данном рассуждении могло быть спокойно отброшено прочь.

Итак, на пирсе стоял эсминец класса «Бёрк», водоизмещением девять с половиной тысяч тонн, вооруженный под завязку. Исключая атомные боеголовки, на его борту находилось все что душе угодно. Даже четырехствольный «плазмой» калибром пятьдесят пять миллиметров, предназначенный для отстрела прорвавшихся на малую дистанцию вражеских ракет. А кроме него, старая добрая двадцатисемимиллиметровка на носу. Помимо этого, имелась совсем седая древность – трехтрубные торпедные аппараты и менее седая, но тоже устаревшая штучка – противокорабельный комплекс «Гарпун». Еще в ангаре покоились два вертолета, при случае способные приподнять над водой достаточно большую кипу оружия. Но все это назначалось для завоевания превосходства на море.

А касательно противостоящей морю суши, в устремленных в небо контейнерах эсминца «Коммодор Буканон» имелась почти сотня – за минусом четырех – ракет класса «Томагавк» различной модификации. Их дальное действие оставляло далеко позади любые поползновения оружия, назначенного к терзанию кораблей. Даже, в случае необходимости могущие размещаться на борту боевого судна, кошмары подводников – глубинные ядерные бомбы – и те не шли в сравнение с древними крылатыми летунами. Совсем мизерно усовершенствованные «томагавки» второго поколения запросто пролетали четыре тысячи километров. То есть эсминец, крейсирующий посреди Атлантики, мог бы обстре-

ливать Западную Европу.

Однако в данном случае «Коммодор Буканон» стоял на пирсе в военно-морском порту Сан-Диего.

Тяжелый реликт

Это был истинный динозавр. Он пережил всех своих родственников. Времена, когда процветали чудища его класса, остались в глубоком прошлом. Там, вдалеке, лет эдак сто или девяносто назад, они правили миром. И правили совершенно не ступая на сушу. Они были большие водоплавающие лентяи, так и не заслужившие в реальности право помериться силами с себе подобными. Новый вид, неожиданно явившийся из чужой эволюционной цепи, нагло вытеснил их со сцены, отрезав от долго и со щепетильностью примериваемых лавровых венков, а главное, от большого питательного корыта с ресурсами. Однако он уцелел. Долгая летаргическая спячка под слоем жировой смазки и бдительным контролем микробов-хранителей уберегла его в самый опасный период, когда даже скелеты его братьев пошли на строительный материал для существ в сравнении с ними мелкоты. Почти чудом несколько его сородичей уклонились от эволюционной гильотины. Но чего это стоило? В каком виде они сохранили свою репутацию и вид? Свежекрашенные, выволоченные на берег и поставленные на подпорки мумии – вот что они представляли собой. Очнувшись однажды после очередной пронзающей время летаргии, он оказался последним

монстром, все еще продолжающим осуществлять свою природную функцию – устрашения и подавления всякой плавающей и ползающей мелочевки. Так что, можно сказать, он являлся чудом озера Лох-Несс в области кораблестроения.

Конечно, дабы выжить в стремительно прогрессирующем мире (к тому же прогрессирующем в ненужном для него направлении), пришлось сбросить привычную для вымерших сородичей спесь и заняться самоистязанием. Например, похудеть. Сбросить с кое-каких мест сверхпрочную кожу брони, ибо в текущее время наращивание ее даже впятеро не принесло бы спасения от высокоточной летающей саранчи. И даже согласиться на ампутацию. И не просто ампутацию, а кое-чего из самого главного. Того, ради чего в свое время, почти восемьдесят годков тому назад, и родились последние представители вымершего ныне класса. С точки зрения старых шаблонов, работа конструкторского скальпеля ухудшила его агрессивные возможности на треть. Однако давно пришли другие веяния, и в действительности все обстояло по-иному. На место отсеченных органов прирастили аккуратные, легкие протезы. Возможно, они были не столь красивы, как старые трехпальцевые монолиты, однако их угловатая несерьезность позволила старому динозавру войти в симбиоз с покорившей пространство саранчой. Теперь его власть простерлась на расстояния, неподвластные его вымершей родне.

Как давно эволюция перемолола его монстров-побрати-

мов? Он уже не помнил этого. Память выделявала с ним странные штуки. Например, он давно забыл свое старое имя. Оно кануло в бездну времени, в ту, в коей он совершал океанские переходы, делая это с помпой и апломбом, а также с соответствующим вершащемуся событию эскортом. Теперь эскорт, сопровождающий его персону, стал совсем жиденьким. И вообще он уже давно плавал только вдоль одного берега единственного материка, да и то не высовывая нос далее десятого градуса северной широты. А ведь когда-то, когда у него еще имелись трое здравствующих братьев-близнецов, его звали «Нью-Джерси» и приписан он был к тридцать четвертому градусу севера и к тому же к совсем другому, самому большому на планете океану.

Именно там ему в очередной раз повезло. Когда его братьев подло, так и не вычистив от смазки и не разбудив от лентаргии, пустили под нож. Не важно, что имеется в виду под ножом – автоген, пресс, доменная печь или конвектор. Важно, что им даже не дали нюхнуть запах прокаленного солнцем моря и обозреть напоследок не загороженную берегом гладь. Они так и умерли без исполнения последнего желания. Разве что флагман когдатошной серии – «Миссури» – остался внешне цел и невредим. Единственно, что из него выпотрошили внутренности, слили кровь корабля – горючее; законопатили свинцовыми пробками великанские трехстволки и прочую одноствольную мелочь; изъяли из организма всю нервную систему, скрутив всю оптико-электрон-

ную начинку; и вытащили большое раздетое тело прочь из соленой привычности, на асфальтовое ложе, для вечного надругательства развлекающейся толпе двуногих бактерий.

А вот его, единственного из всех, вначале аккуратно взяли под уздцы солидные рабочие муравьи прибрежной скученности порта – буксиры, а потом их сменили еще более тяжелые собратья – целое скопище серьезных океанских бурлаков. И вот так гуськом, не останавливаясь даже для пополнения топлива – делая это на ходу, из сиськи идущего параллельным курсом и периодически подруливающего танкера, кавалькада мощных буксиров увезла его из родимой базы флота Лонг-Бич. Прокатила вниз по шарiku Земли до самого пролива Дрейка, отстраняющего от цивилизованного мира антарктический холод; и затем снова вверх, обходя Южную Америку с другого конца, до самой теплолюбивой в Атлантике военно-морской базы Форталеза. И понятно, почему закупленный Бразилией трофей не желалось протаскивать через более близкий, чем пролив Дрейка, – Магелланов. Против кого хотелось тогда, в две тысячи пятнадцатом от рождества Христова, использовать этого захваченного уздечкой старого динозавра? Естественно, против второго по мощности соседа бразильцев – Аргентины. Но извините, этот самый Магелланов проход почти вклинивается в ее территории – рисковать не хотелось.

Вот здесь, в Форталезе, над бывшим «Нью-Джерси» еще раз произдевались хирурги. Понятное дело, его прибывшее

из других эпох вооружение следовало по возможности обновить. Ему действительно повезло, ибо тогда еще большая страна Бразилия не успела расколоться на северную и южную и имела при себе солидные валютные резервы, а кроме того, очередной диктатор страны родился не в ту эпоху и страдал гигантоманией – ну кто бы еще решился прибрать к рукам такой старинный металлолом, как американский линкор выпуска тысяча девятьсот сорок четвертого года?

Потом началась его жизнь и служба (настоящая – не музейная) под другим флагом и под другим именем. Ну что ж, зато, в отличие от своих братишек, он остался на плаву.

Удар по окрестностям

И значит так. У него имелось оружие и наличествовал враг. Но он был не полицейский и не частный детектив, так что узнать, где сейчас находятся его враги, не умел. Однако разве они были единственными подонками в стране? Раз уж у него в наличии имелось оружие, изготовленное на денежки налогоплательщиков, не стоило ли развернуть его использование против всех сволочей мира? Да, у большой Америки имелось достаточно врагов во внешнем мире, и, по большому счету, именно для приструнивания этих облизывающихся от зависти перед американским богатством и предназначенался арсенал «Коммодора Буканона». Однако то, что сотворили в пригороде изверги из Сан-Бернардино, мечтали бы сделать какие-нибудь неграмотные, напичканные злобой с пеленок арабы, но их сюда не пускают. А эти, перебежчики из соседней Мексики, а скорее даже потомки нелегалов, и к тому же не первого поколения, — они уже здесь. Но видите ли, их почему-то нельзя приструнить так же, как «Коммодор Буканон» и ему подобные приструнивают возомнивших о себе арабов или африканцев. Оказывается, местный преступник имеет привилегию совершать это самое преступление. Причем безнаказанно. Пользуясь случаем, тем, что по-

лиция задействована где-то, на признанных почему-то более важными направлениях. Не пора ли установить справедливость? Эдакое равенство для потенциальных нарушителей закона и, прежде всего, убийц? Убрать с них эту самую привилегию по случаю места рождения и гражданства? Установить справедливость с помощью уравнивания их с жертвами? Сделать их такими же незащищенными перед расплатой, как насилуемые ими девочки? Кто «против»? Похоже, все окружающие вроде бы «за», просто ханжеская привычка перекладывания ответственности на других, на что-нибудь далекое, типа государственной машины, не дает четко и членораздельно произнести это самое «за». А уж тем более взвалить на себя работу по исполнению решения. Боязнь за последствия, причем за последствия чисто для себя, останавливает. А еще тормозит, ставит на стопора лень. Лень, ибо если не лениться, можно сделать многое. Можно обойти устаревшие законы, даже вывернуть их в свою пользу. Можно умудриться сделать месть, и даже превентивное убийство убийц, таким хитрым, что попробуй потом привлечь тебя хоть к чему-нибудь. Железное алиби и все прочее далее по списку. Понятно, к нашему родному случаю дело не относится. Нам некогда изобретать алиби. А главное, незачем.

Итак, уравниаем преступников еще в одном. (Изгаляемся, по случаю невозможности быть следопытами.) Уравниаем месть им не по отношению к жертвам, а в отношении тех, чьи близкие погибли.

И все очень просто. Берем, то есть выводим на экран, мелкомасштабную карточную сетку страны. Раз преступники уже здесь, зачем же нам Арабские Эмираты или Африканский Рог? Находим (мгновенно, даже обидно за простоту!) глупо упомянутую родину – Сан-Бернардино. Есть цель!

Естественно, это пока прикидки, прикидки где-то на грани мечты. Ну что же, помечтаем. Несколько в черном цвете – нам по душевному состоянию положено. Помечтаем и порассуждаем. Правильно ли наказывать город за выращивание на своей территории подонков? На первый, незачерненный взгляд вроде бы нет. Но ведь они жили не в вакууме? Их видели полицейские, соседи, родственники. Почему стражи закона не решились в каком-то из случаев их задержания, которых наверняка было более чем, несколько пережать? Стукнуть дубинкой чуть сильнее или не совсем туда? Придавить неаккуратно бампером? Не успеть вызвать «Скорую» после обнаружения передозировки чем-нибудь вредным для существования? Почему соседushки только возмущались в личных перебранках, а не уронили на голову утяжеленный цветочный горшок? Или не помогли съехать с лестницы головой вперед, когда обнаружили в подъезде в бесчувственном, после очередной сверждозы, состоянии? Почему папы не заporоли ремнем до логического конца? Не поколотили всей родней, опять же до полного преобразования в не могущую наносить вред систему? Жалели? Или, скорее, ленились? Опять же, опасались взять на себя ответственность.

Перекладывали дальнейший процесс... – нет, не «перевоспитания», эти идеалистические штучки давно пора забыть – разрешения проблемы на других. Ну, вот и доперекладывались.

Теперь за дело брался командер Рекс Петтит с помощью доработанного эсминца «Коммодор Буканон». Теперь те, кто недовоспитывал, должны были поплатиться за свою лень.

Итак, город Сан-Бернардино. Расстояние менее ста миль. Сколько надо на полет ракеты по прямой?

Родственники

Представляете себе войну в городе?

«— Товарищ прапорщик, у вас не найдется нагана с криковым дулом?

— Зачем?

— Чтоб стрелять из-за угла».

А вообще лучший вариант войны в городе, или, точнее, против города, утрамбовать его тяжелыми бомбардировщиками. Еще удобнее, быстренько, одной-тремя мегатоннами, раскатать россыпь кварталов в большую Хиросиму. Затем тяжелые танки и пехота в спецзащите. Торжественным маршем, насколько это получится через зубья особо прочных строений.

Есть еще более древний, многократно отработанный историей метод — долговременная осада. Насколько долговременная? Город двадцать первого века — не средневековый замок. В нем слишком много ртов, привыкших к комфорту. Стадия косвенного людоедства, то есть отбирания у слабых всего, что наличествует, наступает очень быстро. И кстати, потом голая правда, без подоплеки, заменяет политзанятия. Личный состав наяву наблюдает, что жили в том городе совсем даже не люди, так, вурдалаки какие-то. И выглядят со-

ответственно.

Однако времени на осаду «племени» Черные Дети Саванны не отпущено. Штурмуем город в лоб. Без тактических ядерных зарядов, тяжелой артиллерии и грозной саранчи штурмовых вертолетов.

Ну что же, мощь современного переносного оружия возрастает день ото дня. Тяжелая пуля из необогащенного урана, превосходя камень по прочности многократно, запросто пройдет насквозь метровую стену. Что говорить о местных строениях? Здесь не средняя полоса далекой северной страны. Здесь не бывает холодных зим, а значит, не нужна толщина, способная противостоять многомесячному промерзанию. Следовательно, пуля пойдет через две, даже три стены и еще будет способна нанести значительную травму. Конечно, точность ее, в связи с переменной среды полета, оставит желать лучшего. Однако кто стреляет сквозь стены прицельно? Так, огонь на подавление. «Слепая зачистка». Ну, естественно, не все пули в обойме из столь дорогого компонента, больше менее редкие металлы, да и в руках у тебя не «плазмобой», а более примитивная система. «Подарок из Африки», как выразился техник Кошкарев. Точнее от афроамериканцев, или же, по-теперешнему, снова просто негров.

В крайнем случае, если маленькие дырки в стенах не внушают нужного доверия, можно ведь, и даже рекомендуется, ухнуть туда гранатометом. Полный триумф, почти полная аннигиляция. Теперь Герман Минаков понимает, поче-

му, когда по «ящику» показывают торнадо, идущие по данной местности, в небо взвиваются целые поселки. Вокруг дерево, пластик – камуфляж, а не жилища. Хорошая граната заваливает не только стену – дом целиком, да еще прихватывает пару-тройку помещающихся рядом коттеджей. «Здравствуй, одноэтажная Америка! Ты нас не ждала? А мы вот явились и балуемся плюшками».

Короче, очень эффектно. И еще позволяет не перенапрягать некоторые пружинки в мозгу, не дергать лишний раз всякие там душевные струны, встроенные в человеческую психику по аналогии с обезьянами предками. Ибо действительно, когда бьешь по конкретной цели, пусть даже в темноте на звук шагов, точно ведаешь, что дырявишь своей «AVG» нечто вполне живое, пусть на девяносто процентов вероятности враждебное, а вот когда их какой-нибудь, чуть ли не древнегреческой, «М-16» кочерыжишь на всякий случай подозрительную и на вид столь непробиваемую преграду, тут полное ощущение хорошо выполняемой шахтерской работы. Просто у твоего «отбойного молотка» улучшенные пробивные характеристики. Естественно, там под рухнувшими от подрыва балками могут наблюдаться задавленные. Однако они убиты даже не осколками, а значит, очень смахивают на жертв стихийного бедствия. Ну а когда кто-то там за стеной визжит, подвернувшись под рикошетировавшую пулю, раскрутившуюся по дополнительной оси, а потому очень болезненно, подобно вывернутой наизнанку мясорубке, вхо-

дящей в тело, ты можешь смело бросать в пробитое отверстие милосердную ручную гранату. Ибо что еще ты способен сделать для несчастного, как не применить самую мощную в мире анестезию?

Естественно, акция занятия города не является аквариумной имитацией ковровой бомбардировки. Во-первых, установишь таскать снарядные ящики: попробуй уравний ими две пятнадцатитонные бомбы, возимые каким-нибудь «Б-1» за раз. А второе, если ты будешь оставлять позади себя посыпанную щебнем пустыню, то где же ты сам станешь прятаться в случае контратаки?

И значит, двигаемся вперед аккуратно. Дырявя не все подряд, а только то, что, по данным разведки, «дышит» жизнью. Ну и то, что внушает опасение тебе самому тоже, разумеется. С учетом вышеперечисленных ограничений. Как измеряется эффективность твоего труда? Пожалуй, только по срокам «освобождения», а также размерам отвоеванной территории. И кажется, есть достижения.

– Мой брат Герман Минаков, – говорит непосредственный начальник, третий заместитель вождя Великий Бенин. – Твоя группа русских братьев показывает замечательные успехи. Вы действуете смело, решительно и, что интересно, без потерь. Даже нашим черным братьям есть чему у вас научиться.

«Еще бы, – хмыкает про себя закончивший когда-то Благовещенское аэромобильное училище Герман. – Где прак-

тиковались доселе твои головорезы, брат Бенин? Разве что в уличных драках да метании камней в полицейские машины?»

– По этому поводу многие братья, которые в силу чрезмерно выраженного расового подхода относились к вам с опаской и даже не поддерживали идею бросить вас в бой, теперь признали свою ошибку.

– Я рад, брат Великий Бенин. Очень рад, – высказывается Минаков вслух. – Мы ведь благодарны племени за то, что вы нас освободили и доверяете. Вот и стараемся.

– По этому случаю мы в совете племени сейчас обсуждаем вопрос о том, не являются ли задачи, которые мы вам ставим, слишком простыми для вашего опыта?

«Пахнет жареным, – констатирует Герман. – Дослужились, мать твою!»

– У нас очень часто гибнут разведывательные подразделения, брат Минаков.

«Еще бы! Они не выполняют элементарных правил ведения боевых действий, – комментирует про себя „брат“ Минаков. – А главное, слишком сильно увлекаются пытками и насилием, когда им в руки попадают не успевшие вовремя смыться белые». Говорить такое вслух не стоило.

– Вот буквально пару часов назад у нас прервалась связь с очередным отправленным на разведку отрядом.

– Это было отделение или взвод? – спрашивает Герман, ибо никак не может разобраться в этой племенной иерархии

военных команд. Вообще-то в таком деле, как элементарный подсчет собственных солдат, стоило бы навести некоторый порядок. Тем более за неделю городских боев.

– Скорее отделение, брат.

– Угу, – кивает Минаков, про себя выстраивая не слишком лицеприятную схему: «Может, их и не убили еще, просто отрядная рация отключена, дабы никто им не мешал насилловать какую-нибудь подвернувшуюся под руку девчушку, а то и пацана». Однако с такой же вероятностью эти горе-разведчики способны просто-напросто напиться, наткнувшись на не полностью разграбленный магазин. Или наглотаться какой-нибудь дряни, если им попалась аптека. Вполне допустимо, что они встретили неких отчаявшихся в ожидании помощи с севера полицейских и те наконец-то дали солидный отпор. Теперь доблестные «черные дети саванны» бегут, сверкая пятками, бросив к чертям все лишнее, в том числе и рацию. В общем, вариаций имелась масса. Бардак и анархия в «племени» поражали.

– Так вот, брат Герман. Поскольку вы уже неоднократно оправдывали наше доверие и доказали, что вы есть истинные братья, мы сейчас обсуждаем возможность преобразовать ваше... э... подразделение в разведывательное.

«Отец родной!» – присвистывает про себя Минаков. Но кроме не подкрепленных логикой эмоций, у него не имеется серьезных соображений «против», так сказать, материально-технического характера.

– Брат Великий Бенин, у нас слишком плохая экипировка для разведки. Если только вы не хотите, чтобы наш отряд, наконец, начал терять людей, необходимо специальное оборудование. Вы знаете, брат Бенин, я всегда говорю правду в лицо. Под моим замечанием не подразумевается, что я чего-либо боюсь или...

– Мы все понимаем, брат Герман, – очень широко сверкает зубами Великий Бенин. – Разумеется, мы дадим вам все из того, что сможем найти.

«Значит, вопрос не „решается“, а уже решен», – констатирует бывший наемник Минаков, когда-то ранее действительно воюющий за плату, а ныне только по стечению обстоятельств.

Удар по окрестностям

Но ракет марки «Томагавк» у нас все ж таки девяносто шесть. Жалко, да и нерационально как-то выпулять все по какому-то захолустному Сан-Бернардино. По его ленивому, прикрывающемуся добротой полицейскому управлению; по захудалым трущобам, вырастившим эти забравшиеся в Сан-Диего банды. Как-то, понимаете, это будет несправедливо. Разве только в Сан-Бернардино сосредоточены все рассадники криминальной заразы? Вроде бы это совершенно не так. И...

У нас в руках оружие божественной мощи. Однако все-таки не безграничной. Оно способно работать только по площадям – никак не по отдельным грешникам. Вообще-то исключим это загодя прощающее и ставящее всех на одну доску слово – «грешник». Мы не собираемся переделывать мир. Мы просто собираемся его несколько подчистить. Слишком много дряни накопилось в этих авгиевых конюшнях. Кстати, где расположено основное количество «конюшен» штата Калифорния? А заодно прилегающих штатов?

Наше оружие не сверхдальнобойно, но уж куда дальнее бойнее мягкотелого полицейского пистолета. В принципе, оно способно достать не только соседние штаты, а и те, что

далее. Однако есть ограничивающие празднество добра и справедливости причины. И дело не только в общем количестве «томагавков»: способное использоваться число даже меньше девяносто шести. Просто североамериканская территория – это не какая-нибудь Центральная Африка. Здесь существует развитая система противоракетной и противокосмической обороны. И если ракеты «Коммодора Буканон» вполне годны использоваться где угодно, даже в какой-нибудь Общей Европе пусть и в третьей ударной волне, то здесь, в метрополии, они мало на что годны. Пока, со своим осторожным огибанием рельефа и своей дозвуковой скоростью, они преодолеют тысячу, а тем более пару тысяч километров, их двести раз выследят и двадцать раз наведут какое-нибудь мощное противоядие типа гиперзвуковых перехватчиков.

Ну а почему ракет не девяносто шесть? Элементарно. Видите ли, Рекс Петтит работает без помощи экипажа, только собственными силами. Они весьма ограничены, да еще его поджигает время. А ведь в арсенале эсминца типа «Бёрк» все-таки не баллистические ракеты. С теми просто: указка цели и единственный вариант достижения. Формула Циолковского и баллистика – ничего более. Здесь хуже, нужно рассчитывать маршрут и зоны коррекции полета. Над этим обычно работает целая куча специалистов-картографов. Сейчас они отсутствуют.

Родственники

Пехотинец «шел» низко. Приблизительно на пять метров повыше крыш. Наверняка опытный солдат, так что мог бы лететь даже ниже, лавируя между строениями. Однако в этом случае потребовалось бы непременно снизить скорость, что увеличивало расход топлива и уязвимость. Когда несколько часов назад они пронаблюдали первого «летуна», кто-то из отряда вспомнил старинный анекдот, с бородой как у Карабаса Барабаса. Это когда первогодок на занятиях спрашивает:

«— Товарищ прапорщик, а правда, что танки могут летать?

— Ты что, Моськин, совсем тупой? Танка не видел?

— А вот товарищ полковник сказал, что могут.

— Да?.. Ну конечно, только низенько-низенько».

Лучшим стрелком в отряде был, наверное, Минаков, за счет далекой во времени русско-китайской выучки на Дальнем Востоке. Однако он значился командиром, у него и так хватало обязанностей выше крыши. Да и негоже начальнику, хотя может очень отважно, подставлять свою голову в первом ряду: ведь снайпер профессия повышенного риска. Так что этим занимался бывший африканский наемник и выходец из Владимирской области Ярослав Володин. У него же и

наличествовала единственная в подразделении плазменная винтовка. Она была просто незаменимым инструментом для стрельбы по относительно скоростным предметам. Именно с помощью нее удавалось решать вопросы, связанные с противовоздушной обороной, ибо других средств уничтожения летающих объектов в отряде не имелось.

– Смахни его, Яр! – ткнул пальцем в нужную сторону Герман. Он оторвал взгляд от разложенного в виде планшета примитивного жидкокристаллического монитора. Эту штуку ему с большим апломбом вручил несколько дней назад Великий Бенин. А к «брату» она, в свою очередь, попала с недавно разворованных складов НЗ национальной гвардии штата Луизиана. Но все-таки это было хоть что-то необходимое для современного боя, тем более что, кроме монитора, им подкинули еще кое-что из оборудования.

Пехотинец «шел» по воздуху стоя. Под ним помещалось нечто в виде малюсенькой площадки, к коей крепились ноги; руки он держал на ручках управления, от которых вниз к платформе уходила тонкая стойка. Сбоку у аппарата имелись две трубы, и, насколько Минаков ведал из теории, находящиеся внутри них лопасти вращались со скоростью более четырех тысяч оборотов в минуту. Аппарат двигался бесшумно, по крайней мере с теперешнего расстояния Герман не различал никаких звуков. Да вообще-то почти ничего и не видел, в смысле детализации. Так, представлял.

– «V» триста тридцать! – сказал он Володину, имея в виду

скорость аппарата в метрах в секунду относительно наблюдателей. В реальности она была несколько выше пятисот, а значит, приближалась к двумстам километрам в час.

«Тридцать» было явно лишним. В режиме ручной наводки стрелок все равно не мог учесть такие малые доли. Он действовал почти интуитивно, ставя прицел «плазмобоя» несколько впереди цели, ведь требовалось вводить поправку на время подлета пуль. В этом параметре электрическая винтовка опережала пороховые в два с половиной раза – целиться было легче.

– Всем приготовиться! – скомандовал командир разведчиков. Он не продлил фразу, ибо далее она звучала: «Если Яр промахнется, будем бить залпом». Такая фраза в момент прицеливания была равносильна сглазу. Да и без мистики, просто исходя из психологии, гарантированно сбивала Володина с панталыку.

Теоретически пилот платформы мог обнаружить их позицию в развалинах. Однако в реальности встречный поток мешал ему вертеть головой. Скорость была явно поболее, чем у мотоцикла. Конечно, опять же теоретически, за счет акрилового шлема, он все-таки мог бы осмотреться: ножные крепления обладали достаточной надежностью и гарантировали его от выпадения вон. А вообще-то эти мельтешащие в голове Минакова размышления имели малое отношение к реальной тактике – чистые фантазии. Оружие и сами солдаты Германа были хорошо замаскированы; под летающим

пехотинцем расстился сплошной ковер уничтоженного города; найти там с ходу маленькую группку врага было попросту невозможно, по крайней мере без предварительной подсказки. Да и вообще летающие платформы не предназначались для ведения разведки, это просто экзотическое средство транспорта. Оно так и не вошло в особую моду, да уже и не успевало, даже в перспективе. История мира, основанного на нефти, заканчивалась: эволюционное дерево шуток-вин, черпающих скорость из вонючих субстанций, обрезалось неумолимостью обстоятельств.

Так что происходящее сейчас могло считаться аллегорической иллюстрацией будущего. За считанные мгновения Ярослав Володин выпустил в пустое ныне пространство полновесную обойму. И это были не какие-нибудь три десятка патронов старинной «М-16». Плазменные пули работают по безгильзовой схеме, так что в обычного вида магазине их помещается в три с половиной раза больше. Воздух перед аэропехотинцем оказался нашпигован скоростными препятствиями. Тем не менее «плазмобой» – это все-таки не зенитная пушка, так что вероятность не попасть была более чем порядочная. Но Ярослав Володин попал.

Как поняли наблюдатели, скорее всего не в человека – в какое-то требуемое для устойчивости полета устройство. Ибо «пилот» внезапно дернулся и начал вертеть опущенной головой – разыскивал причину сбоя тяги. Понятно, он ничего не успел. Платформа уже валилась вниз, за счет инерции

следуя по дуге.

– Он вполне может оказаться жив, – прокомментировал Герман Минаков. – Потребуется его захватить – оправдать звание разведчиков. Со мной пойдут четверо.

Удар по окрестностям

Что сейчас было против него? Против одинокого человека, решившего действовать согласно собственному разумению, а не расписанному оцивилизованным бытом порядку? Против него было время. Оно зажимало его замыслы в узкие рамки, ибо внешние факторы могли в любой момент очнуться и мигом отвоевать позиции, на которые он просочился. Еще против него была бдительность обученных им же самим подчиненных. Кто мог помешать тому же вахтенному офицеру Пегу Идипусу усомниться в объяснениях командира, не поверить, что нет связи с городком Медфорд, в который вроде переместилась семья Рекса Петтита, и просто позвонить на узел связи и поинтересоваться, что там за неполадки – почему американский гражданин не имеет возможности пообщаться с близкими? Да в конце концов странно, что командеру Рексу до сей поры не начали звонить знакомые и не сообщать, что вот они видели в новостях, да просто слышали от кого-то, что в его пригородном районе вроде бы что-то случилось. Вряд ли, но отнюдь не исключено – особорьяные сослуживцы, прозвонив ему в дом и не получив ответа, примчались бы на машине проведать командира корабля: что лучше всего посыпает песочком скользкую лестницу ка-

рьеры, как не совместная выпивка в неслужебное время? И вообще, хоть полиция Сан-Диего и проспала само происшествие, разве это значит, что штатные детективы никогда не займутся делом? В любой момент на борт могли попроситься обвешанные галунами полицейские или скромные дяди в плащах с удостоверениями федерального бюро. Вообще, это только для самого Рекса Петтита мир замкнулся на локальном происшествии, но вокруг большая, причем населенная, планета. Там происходят миллионы утаптываемых временем вещей. В окружающей стране не все в порядке. Кто мешал прямо сейчас, не откладывая, прийти на корабль сигналу готовности степени «Красная»? Тогда все, кто имеется на судне, бросятся к боевым постам, а те, кто в городе, на природе или где угодно еще, получают через компьютеры-пейджеры приказ немедленно явиться на борт. Как они смогут не заменить сбой координатной привязки «томагавков» и активацию пусковых? И тогда здесь же, на борту, будет начато расследование, опечатаны шкафы-блоки и сняты отпечатки с клавиатур компьютеров. В общем, время было против. Хотя, может, немножечко, в текущие секунды и минуты, пока еще «за». Однако это хлипкий, ненадежный союзник, он мог предать в любой момент, тем более что распоряжался этими самыми мгновениями.

Против этого всегдашнего и окончательного победителя командер Рекс Петтит стоял один на один. Хотя нет. Кое-что значилось, вырисовывалось за его плечами и подпирало

сзади. Это было прошлое. Не чье-то – его собственное. Оттуда выглядывал, давил на клавиши, вертел зрачки в нужную часть экрана опыт. Личный опыт командира эсминца класса «Арлей Бёрк» Рекса Петтита. И личный опыт командира фрегата класса «Оливер Хазард Перри». А еще снова личный опыт, тогда еще малоопытного командира – нет, не судна – поста наведения оружия другого эсминца, но тоже класса «Бёрк», «Уинфилд Скотт». Так что Рекс Петтит сражался со временем все-таки не один. Вот только руки у него было две, а голова одна, правда, с двумя мозговыми полушариями, впрочем, как у всех. Разумеется, все эти союзники имелись только внутри, их не получалось выцепить наружу. Когда-то командер Рекс видел фильм о том, как человек научился создавать свои клонированные копии. Это была комедия, и тогда было смешно. Сейчас Рексу Петтиту очень бы пригодилось такое изобретение.

Однако и здесь, снаружи, он не был одинок. Ведь все-таки не левое полушарие, единственное из человеческих пригодное к математике, вело расчеты траекторий. Под бронированной надстройкой «Коммодора Буканон» помещался суперкомпьютер. Может, он и не последнего поколения из возможных, однако не более чем десятилетней давности. Так что считал он быстро, тем более в данный момент его мощности не отвлекались на отслеживание плавающих и летающих объектов – все излучающие системы эсминца были отключены.

И в сущности, Рекс Петтит просто ставил задачу, то есть тыкал магнитной указкой в мелкозернистую электронную карту, а компьютер сам разбирался, как донести туда «томагавк» по самой настильной траектории. Сам командер занимался гораздо более серьезными вещами. Используя советы и теоретические построения когдатошнего отличника боевой учебы лейтенанта Петтита, он обходил электронные ловушки. Те, которые по своей металлической природе обязались останавливать самонадеянных мальцов-террористов. Ведь мало ли что, вдруг эсминец, снаряженный кучей ракет, каким-то секретным образом попадет не в те руки? Вдруг эти грязные руки возьмут своими потными ладонями живехонького командира корабля, приставят ему к шее ножичек с зазубринами и предложат «или – или»? Вот именно от этого и должны были страховать электронные сторожа. И наверное, их бы хватило остановить обычного командира корабля, по крайней мере другого, не отличника боевой учебы и не бывшего командира поста наведения ракет. И даже наверняка, если бы эти электронные блокираторы оказались классом повыше, такие, как ставят против самозапуска атомных боеголовок, то даже у Рекса Петтита ничего бы не получилось. Но здесь, с классом пониже, он справился. И понятно, почему принципиально нельзя ставить на простые ракеты, без спецБЧ, такие сверхблокираторы. В этом раскладе стоит господам арабским террористам захватить один общепринятый пульт – они разберутся, как сотворить апокалипсис.

Рекс Петтит не был арабом, он был американским гражданином с самого детства, но сейчас он сражался с этими родимыми блокираторами пуска. Требовалось торопиться. Ведь кроме блокираторов запуска, необходимо еще на всякий случай обойти схемы самоликвидации. «Томагавки» долетают не мгновенно. Кто знает, что предпримет НОРАД после того, как обнаружит ракеты? Не исключено вторжение на «Коммодор Буканон» морских пехотинцев, хотя хватит и пары вахтенных офицеров, если они догадаются подорвать входную дверь поста управления оружием. Потом, через спутник, на «томагавки» может прийти сигнал самоуничтожения.

И кстати, о спутниках. Ко всему прочему, наверняка требуется сделать «отбой» для системы космической топопривязки. Пусть лучше «томагавки» уточняют свое местоположение по старинке, с помощью радиолокационного опознавания местности. Стрельба идет по площадным, небронированным целям. Наведение с точностью до полуметра не требуется — хватит и плюс-минус десяти.

Родственники

Гражданские войны дело жестокое. По этому критерию они превосходят войны обыкновенные, то есть межгосударственные. Хотя вторые не остаются в долгу, иногда они выдают трупы порциями, недоступными хаотичному импульсу разбушевавшегося народа. И тем не менее по жестокости они все же отстают. В чем тут дело? Войны с внешними врагами – дело навязанное. Для тех, кто напал, – властью, для защищающихся еще и необходимостью выживать. Критерии, дающие не слишком большой разгон для личностных посылов. К тому же межгосударственные войны подразумевают жесткую дисциплину, изгаляться слишком долго времени и сил не хватает. Ну а гражданская разборка – простор для самовыражения.

Однако не все об этом догадываются. Например, захваченный Германом «язык» этого не понимал. И потому взяли они его вовсе без проблем. Может, он «купился» на белую кожу и европейскую внешность захватчиков? Может, даже обрадовался, что попал к своим? Ну так это был рассчитанный загодя трюк. Не стоит вникать в психологию жертвы – это мешает делу, но на месте «пилота» платформы Герман бы застрелился сразу после падения. Разумеется, он обладал

знаниями, малоизвестными пленному – он воевал в этом городе уже не первую неделю. Время первичного гуманизма, когда тюрьмы брались без выстрела, кончилось. Теперь наступающая сторона жаждала произвести неадекватное замещение – отсутствие тактической сметки она надеялась заменить запугиванием, то есть разновидностью информационного противоборства. В этом ей сильно помогали все еще не закрытые, падкие до сенсаций СМИ. Правда, после того как десяток любопытствующих любителей жареного сами накрутились на жернова, пруть корреспондентов несколько поубавилась, но на нет все-таки не сошла.

И вот теперь в эти жернова угодил американский рейнджер. Он явно не понимал всю неумолимость и подлость войны. Может, его кто-то запутал, довел устаревшие сведения о Женевской конвенции? О том, как надобно теоретически правильно обходиться с пленными? Все возможно, однако тот, кто нарасказывал про эти исторические казусы, сыграл с военным плохую шутку. Герман Минаков и его компания служили афроамериканцам, ныне снова гордо именуемым неграми, вполне честно: ведь те все-таки освободили их из застенков. Потому пойманный янки имел значение только как источник информации, но вовсе не как живое разумное существо.

Именно в качестве первого он принес отряду разведчиков некоторые дивиденды. Теперь «черным детям саванны» можно было со всей честностью довести, что с севера штата

в сторону города выдвигается мотопехотная дивизия Национальной гвардии, а пролетающие тут и там платформы – это нечто в виде передового дозора.

– Что они сделают, когда выйдут на предусмотренную позицию, как по-вашему? – спросил бывший наемник солдат Кисленко. Он спросил об этом лейтенанта Минакова, а не пленного, ибо тот не относился к офицерскому составу и смутно представлял действия своей дивизии наперед.

– Если у них решительные командиры и к тому же в нужный момент будет поддержка с воздуха, то я не завидую «черным детям», да и всем прочим «племенам». Знаешь, Захар Осипович, ведая реальное положение дел здесь, я бы, на месте гвардейских начальников, даже особо бы не разворачивался, а так бы и прошел город в режиме встречного боя.

– Короче, ничего хорошего ждать не следует, да, командир?

– То, что я сказал, – теория. Я очень не уверен именно в факторе решительности с их стороны. К тому же, разве у нас есть выбор? Куда мы денемся в этой чужой стране?

– Что, придется умирать за негров?

– Пока еще поживем и увидим, – успокоил подчиненного Минаков.

Ну а пленного расстреляли. Вероятно, тут действовала расовая солидарность, ибо никто в отряде не возразил. В том плане, что передать «пилота» вверх по инстанции значило обречь его на познание жестокости гражданской войны на

следующем уровне – это было лишнее, несовместимое с жизнью знание. Ну а выпустить было тем более невозможно: не хватало, чтобы «северяне» узнали о спецгруппе белых, служащей южанам.

Кто знал, что это событие переполнит некую чашу?

Удар по окрестностям

Кстати, что там у нас будет значиться целями помимо Сан-Бернардино? Города вообще? Это слишком широко, слишком размазано. Похоже на обычную террористическую манию или призывы «Назад к Природе!». Ведь Сан-Бернардино просто не повезло, что именно там подросли, превосходно себя чувствуя, мальчишки, любящие времяпрепровождение с острыми ощущениями. Точнее, такие мальчишки имеются во многих местах, но именно эти любители садизма забрались в дом Рекса Петтита.

Итак, что же все-таки является рассадниками заразы, захлестнувшей пригороды? Где стажируются, накапливают опыт и злобу ребятушки из Сан-Бернардино? Где они проходят школу садизма, обучаются получать удовольствие от чужой боли?

Такие места есть. Это тюрьмы. Именно там, в достаточно комфортных условиях, накапливают силы и опыт те, кто приходит потом в пригороды. Или не приходит сам, но рассказывает молодым неоперившимся подонкам, как запросто можно делать все, что захочешь, и в крайнем случае получать пару-тройку лет тесного общения с себе подобными для совместного планирования дальнейшей судьбы.

И значит, цели есть. Дело за малым. Координатная привязка, мелкозернистые и цифровые спутниковые фото. Ну, еще запрос через компьютерную сеть. Вот в этом случае не через корабельного монстра. Он если и войдет в контакт с Новым Интернетом, то только через всю цепочку электронно-штабного братства. Там могут насторожиться, начать выяснять, для чего и как. Потому через собственный, прихваченный из квартиры, домашний.

И кстати, о запросе.

«Извиняюсь, а где у нас, собственно, расположены ближайшие, и не слишком, исправительные учреждения?»

Это, естественно, в более сжатой форме, через поисковую систему.

«Так, а точнее? Ага, ага. Так, а еще более? Нельзя? Требуется допуск юстиции или коллегии адвокатов? Ага. Пять сек».

Ну что ж, допуска у нас нет. Но есть почти точное – километр-два разница – расположение на карте, а следовательно, и на суше планеты Земля. Берем в руки огромную, хитро свернутую в тысячу складок карту... Точнее, сканируем мониторный провал в виртуальность. Ищем приметы интересующих объектов. И без всякого опыта комиссара Мегрэ ясно какие. Сложно только в первом случае, потом по накатанному. Скопление полицейских машин, ворота, охрана; на ночных снимках сияние огней и безлюдье, исключая ту же охрану. В общем, проводим большую аналитическую ра-

боту. Однако против нас, как и ранее, воюет время. А потому нет минут на уточнение, перепроверку и прочее. Может, где-то будет ошибочка. Прихлопнем вместо исправительного учреждения – управление местной полиции. Что ж теперь? В сущности ведь по делу. Где были копы, пока резвый молодняк с Сан-Бернардино развлекался в Сан-Диего? Или, может, они их уже арестовали? И сейчас остороженько журуют на скамье подсудимых, а адвокаты шлют по инстанции петиции насчет жестокого обращения с малолетними? Может быть. Только вот когда они показывали прыть в спальне дочери, рядом почему-то не мельтешили адвокаты – прятались где-то по судебным палатам. А значит... В общем, один-два промаха, точнее попадания не туда, не помешают общему ракетному делу.

Ну что ж, время! В готовности тридцать два «томагавка». Наверное, хватит искушать судьбу. В любой момент кто-то из вахтенных может насторожиться. Нам и так повезло, что это не эсминец класса «Арлей Бёрк» самого первого поколения. У того автоматизация не доведена до столь высокой ступени. Там бы никак не получилось произвести запуски из одного места. Потребовался бы сговор. Но условия для мятежей и революций еще не созрели. Мы опережаем время. Точнее, отстаем. Надо было нанести удар по Сан-Бернардино гораздо, гораздо раньше. До того как...

Родственники

– Герман Всеволодович, к нам гости, – доложил техник отряда Кошкарев.

– Знаю, Феликс Маркович, я давно наблюдаю его на экране.

– Чего это он один? Может, какой-нибудь совсекретный приказ?

– Думаете, научились наконец? Перестали пользоваться своей допотопной связью?

– А кто знает? Говорят, и обезьяну можно научить.

– Смотри, Феликс, не ляпни это при наших милых союзниках. Такого сравнения они не потерпят.

– А почему, собственно? В смысле, что особо обидного? Редкий зверь. Водится только в зоопарках.

– Я, Феликс Маркович, в палеонтологиях не магистр, однако уверен, что когда предков наших «детей саванны» вывозили в Америку в качестве живого товара, всяческие мартышки еще скакали по лесам в диком виде, тогда это была не редкость. Черт, наш гость прется напролом. Прямо-таки бежит. Как бы не проскочил мимо нашего укрытия. Ну-ка, товарищ Феликс, сделай милость, встреть гостя.

Гость оказался прямо-таки неожиданный.

– Какими судьбами вы тут, брат наш Великий Бенин? – спросил Минаков, разглядывая раннюю пташку. – Да на вас лица нет.

Гость и правда был бледен. До сего момента Герман считал, что чернокожим это не свойственно.

– Брат Герман, еле-еле вас отыскал.

– Так что все-таки стряслось, брат Бенин?

– Беда, брат Минаков, беда!

– Успокойся, брат. На вот, хлебни водички.

– Спасибо. Так вот, ты помнишь, брат Герман Минаков, брата Герхарда Сомали?

– Э-э... Честно говоря, смутно, брат Великий Бенин.

– Ну так вот... И кстати, брат Герман, вы ведь оказались со мной не до конца откровенны, правда?

– Насчет чего? Дело в этом пехотинце летающем, что ли? Не спорю, брат, тут мои ребята – «белые дети саванны» – несколько увлеклись. Перестарались. Стрельнули его со злобы досрочно. Надо, надо было бы, конечно, доставить его для подтверждения информации к вам, но...

– Да речь не только об этом янки, брат Минаков.

– Не только?

– Он, разумеется, тоже сыграл не в вашу пользу.

– Что, разве данные о дивизии Национальной гвардии неправильны? Мы ведь еще...

– Не в дивизии дело, брат, – Великий Бенин поник головой. – Вы же меня обманули насчет своего прошлого, так?

– Прошлого?

– Да, прошлого! Вы ведь утверждали, что вы герои, бойцы за права негров, так?

– Мы утверждали? – Герман несколько потерялся. – Вы же сами так говорили, так что...

– В общем, брат Герхард Сомали оказался умнее всех. Он хорошо и быстро читает. И еще умеет пользоваться «компом». Словом, он прочел протоколы ваших допросов. Наши вожди читают не так быстро. Но он еще сумел найти видеоматериалы. Ну и...

– Что? – теперь побледнел Минаков, наступила его очередь.

– Не знаю, чем вас там травили. Но «журчите» вы там просто как ручейки, – Бенин внимательно глянул Герману в глаза. – Оказывается, вы истребляли бушменов и еще какие-то племена наших братьев, да? Получается, вы уничтожали нашу расу?

Русский лейтенант начал припоминать, стоит ли его лежащий поблизости пистолет-пулемет «интердинамик КП-99» на предохранителе. Если нет, то была возможность что-то успеть.

– Я вижу, это все-таки правда, брат Герман, – добавил чернокожий с укором. – А ведь я вам так верил.

Минаков уже знал, что оружие на предохранителе, однако они с гостем находились на расстоянии вытянутой руки, в случае нападения можно что-то успеть в рукопашной схват-

ке, а там к делу присоединились бы находящиеся за стенкой соотечественники.

– Так сложилась жизнь, брат Бенин. Мы уничтожали не черных, а бандитов. Кто они по расовым признакам, нам вообще-то было «до лампочки».

– Короче, брат, – негр наконец-то отвел глаза в сторону. – Теперь ты и все твои братья признаны предателями. Вас заочно приговорили к зомбированию.

– К чему?

– Вы тут, в разведывательном отрыве, отстали от жизни. У нас теперь, как и положено в нормальном племени, есть настоящий колдун.

– И как же он нас будет?..

– У него всякие яды и, понятно, колдовство. Так что...

– Подожди, брат Великий Бенин, а ты-то зачем сюда пришел? Предупредить?

– Понимаешь, Герман, я теперь тоже приговоренный. Но случай помог мне убежать. И я думаю, мы зря тут сидим беседуем. К нам в любой момент могут пожаловать гости. А может, это будет артобстрел. У соседнего племени «Зебры Саванны» имеются пушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.